

Владимир МИРОНОВ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

ВЫПУСК 187

Санкт-Петербург
2019

ББК 71.04
М64

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Миронов, В. В.
М64 Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации / В. В. Миронов. — СПб. : СПбГУП, 2019. — 60 с. — (Избранные лекции Университета ; Вып. 187).

ISBN 978-5-7621-1006-8

Лекции члена-корреспондента Российской академии наук, декана философского факультета и заведующего кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора философских наук, профессора В. В. Миронова, прочитанные в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 9–10 ноября 2018 года, посвящены проблемам трансформации культуры в современном мире.

В первой лекции «Локальный характер классической культуры» рассматривается классическая модель культуры и детально анализируется влияние на нее современных технологий. Во второй лекции «Трансформация современной культуры: от диалога к монологу?» особое внимание уделено последствиям деформации культуры в результате применения новых технологических средств и распространения виртуальных медиа и Интернета.

Адресовано преподавателям, студентам, аспирантам гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей.

ББК 71.04

ISBN 978-5-7621-1006-8

© Миронов В. В., 2019
© СПбГУП, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Представление гостя (<i>Е. А. Кайсаров</i>)	4
<i>Лекция 1.</i> Локальный характер классической культуры.	8
Вопросы и ответы	28
<i>Лекция 2.</i> Трансформация современной культуры: от диалога к монологу?	31
Вопросы и ответы	49

Представление гостя

Уважаемые коллеги! Сегодня у нас в гостях член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета и заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный профессор МГУ Владимир Васильевич Миронов.

Владимир Васильевич родился 4 апреля 1953 года в Москве в рабочей семье. Мать, Анна Осиповна Миронова, приехала из Саратовской области на строительство университетского комплекса на Ленинских горах. Через три года после рождения Владимира отец ушел из семьи, и на плечи матери легла вся тяжесть по воспитанию сына. Семья жила в строительных бараках в Раменках на юго-западе Москвы, недалеко от строившегося здания МГУ, в довольно тяжелых условиях. Сначала Владимир учился в раменской школе, но поскольку его мама была вынуждена работать на двух работах и за сыном присматривать было некому, его перевели в интернат, в котором он учился до конца седьмого класса, а затем вновь вернулся в среднюю школу, которую закончил в 1970 году. Под влиянием дяди, Николая Алексеевича Коломойца, который учился в те годы на философском факультете МГУ, юноша увлекся философией. После неоднократных попыток поступить на философский факультет МГУ он пошел работать учеником токаря, затем токарем на завод при НИИ Министерства электронной промышленности СССР.

Из заводского цеха Владимир ушел служить в ряды Советской армии, а после службы в ноябре 1973 года поступил на рабфак философского факультета МГУ. С 1974 по 1979 год учился на философском факультете МГУ, с октября 1979-го по март 1981 года — в очной аспирантуре кафедры диалектического материализма философского факультета МГУ, а в 1981 году был приглашен работать на эту кафедру в должности младшего научного сотрудника. На факультете Владимир Васильевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Диалектико-материалистические основания критики концепций сциентизма и антисциентизма» и в 1988 году

был избран доцентом философского факультета. С 1988 года работал заместителем декана философского факультета по учебной работе. В 1997 году защитил докторскую диссертацию по философии на тему «Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры».

Решением Ученого совета от 15 июня 1998 года Владимир Васильевич был избран деканом философского факультета и в настоящее время продолжает работать в этой должности. С 1998 года он руководит кафедрой онтологии и теории познания философского факультета МГУ. С 2001 по 2007 год являлся проректором — начальником Управления академической политики и организации учебного процесса МГУ. В 2008 году на Общем собрании Российской академии наук В. В. Миронов был избран членом-корреспондентом РАН по отделению общественных наук. Он стал первым руководителем в истории философского факультета, избранным в состав РАН.

Владимир Васильевич Миронов — крупный специалист в области философии культуры. Он автор более 150 научных публикаций, среди которых: монографии «Образы науки в современной культуре и философии» (1997), «Университетские лекции по метафизике» (2004), «Современные трансформации в культуре» (2011), «Единство разнообразия. Разнообразии единств» (2015). В 2005 году он совместно с А. В. Ивановым издал монографию «Университетские лекции по метафизике», в которой реализовано авторское видение того, как донести до студентов университета представления о философии.

Ряд работ В. В. Миронова переведен на итальянский, греческий, китайский, немецкий языки. Его работы получили высокую оценку научной общественности и положительные отзывы в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Особо следует отметить книгу, выдержавшую уже два переиздания в Италии, — «Судьба марксизма в России: от любви к ненависти», жанр которой довольно оригинален и представляет собой диалог российского и итальянского философов о судьбе марксизма.

В центре большинства работ В. В. Миронова находится обоснование положения о том, что философия представляет собой синтез рационально-теоретического и ценностно-эмоционального

подходов к постижению бытия, которые невозможно отделить друг от друга, чья разнонаправленность задает границы смыслового пространства философии. Таким образом, философия реализуется как диалог мыслителей и культур, внутри которого разнообразные точки зрения сталкиваются и затем синтезируются в едином общечеловеческом мыслительном процессе. Именно за эти исследования, изложенные в монографии «Философия и метаморфозы культуры», Владимиру Васильевичу в 2008 году была присуждена высшая награда в области научно-исследовательской деятельности МГУ — Ломоносовская премия — и памятная медаль.

Владимир Васильевич активно занимается преподавательской деятельностью. Он автор большого числа учебников и учебных пособий: «Философия» (2000), «Онтология и теория познания» (2005), «Философия. Введение в метафизику и онтологию» (2014), «Философия. Гносеология и аксиология» (2014), «Философия. История и теория» (2016). В. В. Миронов много времени уделяет популяризации философии и философского факультета, выступая с интервью по радио и телевидению. Имеется множество ссылок на его интервью и выступления в Интернете.

Профессор Миронов — крупный научный администратор, он председатель экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии (2005–2013), председатель докторского диссертационного совета по специальностям «онтология и теория познания», «философия науки и техники» при МГУ, вице-президент Философского общества России, председатель Федерального учебно-методического объединения в сфере высшего образования по УГСН 47.00.00 «Философия, этика и религиоведение», главный редактор философской секции «Вестника Московского университета», член редакционных коллегий многих журналов. Научная и общественная деятельность Владимира Васильевича Миронова отмечена высокими наградами. Он награжден медалями «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого сотрудничества», дважды становился лауреатом премии им М. В. Ломоносова за научную работу (2007) и педагогическую деятельность (2003). Владимир Миронов — почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Владимир Васильевич женат на Дагмар Вали Герте Мироновой (урожденной Вранке), которая родилась в 1955 году близ города Шверина в ГДР. Она является специалистом по общетеоретической философии, гносеологии, современной западной философии, политической философии. В 1986 году защитила кандидатскую диссертацию на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1981–1991 и 2003–2008 годах работала на философском факультете МГУ, а с 1991 по 2002 год была научным сотрудником Фонда Конрада Аденауэра. С 2008 года — доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор известной книги «Политическая философия» (2013), рекомендованной УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия.

В семье Мироновых трое детей: сыновья Александр, Денис, дочь Кристина, и двое внуков Арина и Аскольд.

Е. А. Кайсаров,

*заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП,
кандидат исторических наук, доцент, почетный работник
высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП*

Лекция 1

ЛОКАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

9 ноября 2018 года

Дорогие друзья! Мы начинаем цикл лекций, посвященный трансформации культуры. В первой лекции мы рассмотрим классическую модель культуры и выясним, какое влияние современные технологии оказывают на то, что мы называем культурой сегодня.

В настоящее время на всех уровнях культуры мы наблюдаем глубинные процессы изменений, которые столь существенны, что позволяют говорить о трансформации культуры. Можно было бы выделить множество аспектов данной проблемы. Я предлагаю рассмотреть лишь один, который связан с кардинальным изменением всей коммуникационной системы. В результате использования новейших технологий, по сути, возникает новая реальность, в которой материальные объекты уже сосуществуют вместе с виртуальными конструкциями и оказываются для нас столь же важными, как окружающая природа. Более того, в некоторых случаях мы уже с трудом различаем, где материальная природа, а где искусственно созданная виртуальная реальность. Это оказывает влияние на все уровни культуры, трансформируя ее сущность. Остановимся на этом подробнее.

Для начала нам понадобится рабочее определение культуры. Я здесь буду использовать идею академика Вячеслава Семеновича Степина¹, которую он, кстати говоря, озвучивал и в вашем Университете на такой же публичной лекции. Итак, **культура представляет собой особый тип деятельности, реализующейся в виде системы «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях»²**. Суще-

---

¹ К величайшему сожалению, этот крупнейший философ современности и замечательный человек ушел из жизни 14 декабря 2018 года.

² *Степин В. С.* Человеческое познание и культура. СПб., 2013. С. 73.

ствуует огромное количество определений культуры. Они в той или иной степени верны применительно к решаемой исследовательской задаче. Но то определение, на котором я предпочел остановиться, позволит нам развивать сегодняшнюю тему. Для нас в этом определении важным выступает указание на надбиологичность культуры. Из этого следует один примечательный вывод, над которым мы не всегда задумываемся.

Результатом культурной деятельности являются как материальные, так и духовные образования. **Материальные ценности — это предметы, которые созданы человеком в результате его творческой деятельности и многие из которых затем хранятся в музеях.** Поэтому мы можем говорить о них как о музейных ценностях. Здесь тоже есть проблема: как определяется этот статус музейности. Мы не всегда понимаем, почему древняя амфора, которая когда-то использовалась как просто сосуд для хранения жидкости, сегодня стоит огромных денег и хранится в музее, — она тем не менее уже вошла в историю культуры как материальная ценность, созданная человеком на определенном этапе культурного развития. Как относиться к тому, что носовой платок Джона Леннона в наше время продается за безумные деньги и также становится музейной ценностью? Что входит в понятие ценности? Но это особая тема, и мы ее сегодня затрагивать не будем.

Для нас более интересна вторая составляющая. **Духовные ценности — это все, что создано в результате творческой интеллектуальной деятельности человека во всем ее многообразии.** По сути, это виртуальные образования, которые мы не можем потрогать, как материальные ценности. Удивительно, что такой актуальный сегодня термин, как «виртуальность», был введен Фомой Аквинским в еще XIII веке. Виртуальное образование возникает, как писал Фома Аквинский, после нарушения гармонии души и тела. Тело остается материальным, а душа принимает некий виртуальный характер и продолжает жить в таком состоянии. Однако, несмотря на такую виртуальность, духовные ценности живут собственной жизнью, оказывая влияние на нашу реальную жизнь. К таким ценностям мы можем отнести, например, те или иные добродетели, на которые человек ориентируется в своем поведении, поэтому духовные ценности тоже в какой-то степени можно

относить к музейным. В таком музее есть экспонаты общего понимания прекрасного, общие представления о добре и истине. Носителем таких ценностей является субъект, и они значительно корректируются историческим временем и реальностью личностного переживания. Духовные ценности имеют еще одну особенность. Они материализуются в знаковых системах, в том числе в языке.

Поэтому мы сделаем еще одно семиотическое уточнение, которое стоит внести в определение культуры. Культура — это определенный набор символических программ или **«устойчивых воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей — объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе»**¹.

Они являются для нас доминирующими, даже если мы этого не осознаем: они впитаны, что называется, с молоком матери. По сути, это духовные артефакты, а значит, тоже своего рода музейные экспонаты. Добро, Истину, Красоту, Справедливость нельзя потрогать руками, но они не менее значимы для человека и общества, а в совокупности составляют систему общечеловеческих ценностей. Процесс их изменения, несмотря на кажущуюся эфемерность, происходит очень медленно. Нынешнее время серьезно отличается от XVIII–XIX веков, когда человек рождался, жил и умирал в одной и той же культуре, в одинаковой системе ценностей. То есть для индивида изменение ценностной системы было либо малозаметным, либо вовсе не заметным. Чтобы осознать происходящие изменения, ему нужно было отдалиться от своей культуры, уехать куда-то, посмотреть на нее со стороны.

Культуры общались между собой путем обмена указанными символическими программами, то есть знаковыми системами. Так как не было возможности записывать информацию, в устной культуре возникли специфические формы коммуникации и фиксации

---

¹ Момджян К. Х. Философия общества // Философия. Учение о бытии, познании и ценностях человеческого существования / В. Г. Кузнецов [и др.]. М. : ИНФРА-М, 1999. С. 377.

информации, а главным источником, хранителем и ретранслятором информации выступала память индивида. Именно поэтому в мире «доминирования уха», как его обозначал М. Маклюэн, интонация значит больше, чем для человека периода печатной культуры. Человеку эпохи устной культуры приходилось свои мысли не записывать, а озвучивать в прямом смысле: они должны были по-разному звучать, что до сих пор можно наблюдать, например, в китайском языке, где роль фонетического звучания остается весьма важной. Поэтому современная устная речь уже не та, какой она была до появления письменности и печати. Законы письменной культуры заложены в нашем сознании, и устная речь подчиняется правилам письменной речи, во многом опосредована существованием текста как системы упорядоченных знаков и символов, поэтому она часто представляет собой «озвучивание» написанного. Но и сегодня устная речь сохраняет специфику своего звучания. Нам сейчас трудно представить те времена, когда не было печати. Но коммуникация была всегда, и человек использовал различные ее формы. Забегая немного вперед, скажу, что сегодня это неожиданно возвращается в связи с электронной культурой. Что такое звучание в современном языке? Это интонация, которую мы можем варьировать при произнесении тех или иных слов или мыслей. В немецком языке есть устойчивое выражение «Der Ton macht die Musik» (буквально — «Тон определяет музыку»). Применительно к устной речи это означает, что звучание слова может быть весьма важным в нашем общении, с чем мы наверняка сталкивались в своей жизни.

В качестве примера расскажу о мифе, который сегодня часто воспринимается просто как литературный жанр, хотя в момент его зарождения — а это было задолго до письменной культуры — он выполнял несколько иные функции. Это был не просто рассказ о каких-то событиях, который ныне фиксирован в тексте. В мифе действия героев и последовательность событий передаются с помощью рассказа о сказочных персонажах, предметах и манипуляциях. Здесь, как и в сказке, доминирует образ, а не система абстрактных понятий. Миф часто выполнял функции замены действий. Например, обряд инициации заменялся рассказом об этом обряде, а обряды были превращены в действия.

Баба Яга не была реальным лицом, а выступала, с одной стороны, как охранительница «входа в тридесятое царство и вместе с тем как существо, связанное с животным миром и с миром мертвых. В герою она узнает живого и не хочет его пропустить, предупреждает его об опасностях и пр. Только после того, как он поел, она указывает ему путь. Ивана она узнаёт как живого по запаху»¹. А с другой стороны, она была хозяйкой той самой «избушки», в которой осуществлялся обряд инициации мальчиков. «Обряд был страшен и ужасен для детей и матерей, но считался нужным, потому что прошедший приобретал нечто, что мы назвали бы магической властью над животным, т. е. обряд соответствовал способам примитивной охоты»².

Согласитесь, что у нас сегодня совсем иное отношение к сказке. Мы берем книгу, читаем, не всегда понимаем какие-то детали, потом постепенно забываем прочитанное. А почему, например, Пушкин в «Сказке о царе Салтане» много раз повторяет: «Мимо острова Буяна...» и т. д.? Ведь никакой новой информации здесь уже нет, и мы, как правило, рассеянно пробегаем эти строчки взглядом. А вот если вы будете повторять эту сказку устно, вы обязательно будете использовать повторы. Сказка не предназначена для «немного» восприятия, ее обязательно надо читать вслух. Точно так же надо читать русские былины: их всегда произносили нараспев, каждая интонация имела свое особое значение. С точки зрения современного человека, герой сказки ведет себя нелогично. Ну с какой стати в современном городе, например в Петербурге, подходить к какому-то дому и говорить: «Повернись ко мне передом, а к лесу задом»? А вот для сказки это нормально. Сказки представляли собой часть культа, поскольку каждый персонаж нес какую-то информацию, и находились под запретом для посторонних.

В фильме Ролана Быкова «Айболит-66» исполняется знаменитая песня, где есть такая фраза: «Нормальные герои всегда идут в обход». На первый взгляд это звучит странно, но для сказки — абсолютно логично. В русских сказках герой отправляется искать похищенную невесту не прямым путем, хотя этот путь известен,

¹ *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. С. 53.

² Там же. С. 56.

а кружным — через лес, где он находит избушку, в которой ему дают волшебный клубок, и т. д. Для чего он идет таким путем — «в обход»? Для того, чтобы стать героем! То есть такой сказочный путь позволяет ему совершить ряд поступков, после которых его невеста и все остальные считают его героем.

Я так долго говорю о сказках, чтобы показать, насколько разнообразными могут быть формы коммуникации. Нам сейчас трудно представить себе общение в Средние века, но попробуйте представить себе человека, которого перенесли бы из той эпохи в наши дни, в нашу систему коммуникации. Я думаю, он выдержит минут десять, не больше, под давлением той лавины информации, которая на него обрушится. И наоборот — если вас сейчас погрузить в Средние века, вам будет казаться, что мир замер. То есть никаких изменений с сегодняшней точки зрения там не происходит. Причем на протяжении не одного столетия, а нескольких. То есть важно понять, что период устной культуры представлял собой совсем иной мир, чем сегодня. Это сохраняется и поныне в некоторых африканских племенах, отдаленных от цивилизации. «Африканский ребенок получает образование, которое почти исключительно базируется на устном слове и которое в высокой степени заряжено драмой и эмоциями... Поскольку мир уха — это горячий гиперэстетический мир, а мир глаза — относительно прохладный и нейтральный, западные люди кажутся представителям слуховой культуры очень холодной рыбой»¹.

Кстати, в этом и проявляется различие культур как в горизонтальном диалоге, осуществляемом в современности, так и в вертикальном, когда такой диалог дополняется различиями культур во времени. Общение всегда осуществляется через диалог с другим: с другим человеком, иным сознанием, иной культурой и т. д. Как бы хорошо вы ни владели иностранным языком, ваше отличие от других будет очень быстро обнаружено, когда вы попадете в иную культурную среду. Например, будучи в Нью-Йоркском государственном университете (SUNY), во время обеда с коллегами я впервые воочию наблюдал американскую манеру есть бифштекс: если мы отрезаем один кусочек за другим и отправляем в рот, они

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М., 2003. С. 28–29.

сначала нарезают весь бифштекс на кусочки и затем едят. Или другой забавный пример восприятия другого из романа Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны»: в одной из сцен романа (не вошедшей в одноименный фильм) Штирлиц просит своего подчиненного принести ему несколько бутербродов и тут же думает про себя: «Вот так и засыпаются разведчики». Потому что тот сразу же переспрашивает: «Сколько?» И Штирлиц начинает объяснять: два на утро, три на вечер, так как для немецкого сознания это требует уточнения. Или попробуйте рассказать сегодня анекдоты о том же Штирлице своему американскому другу. Вам пришлось бы рассказать ему о войне, в которой, как ни странно, победу одержал Советский Союз, и далее дать столько предварительных объяснений — что за фильм, когда он был снят, как воспринимался в те времена своей аудиторией, — что анекдот стал бы совершенно несмешным. Это тоже отражает различие культур и сложность их понимания.

Таким образом, мы делаем вывод: **устная культура базировалась на переносе информации через речь, что было ограничено возможностями речевой памяти индивида и фонетическим разнообразием, то есть достаточно слабой степенью упорядоченности.** Сами потребности общения, хранения и ретрансляции информации, в том числе ее передачи на расстояние, требовали иных форм фиксации, в частности простых визуальных форм, когда те или иные смыслы запоминались с помощью окружающих предметов, причем это запоминание могло носить случайный и вспомогательный характер. Именно так возникают прообразы будущей письменности и формы неречевых средств передачи информации, на основании которых формируется так называемое предметное письмо. Письмо как таковое возникает позже, когда вырабатываются и закрепляются сами правила создания и хранения письма. Соответственно картина мира, создаваемая мышлением в условиях доминирования устной речи, носит иной характер, чем у людей более поздней культуры. В печатной культуре мы погружаемся в понятийную систему передачи образов через текст, то есть должны восстанавливать первичное восприятие образа через интерпретацию понятий, наполняя их конкретным внутренним и социокультурным содержанием исходя из опыта. Устная речь подразумевает

слушающего и порождает смыслы в результате прямого восприятия, которое может отстоять далеко от чисто рациональной работы мышления. Здесь важной оказывается и интонация, и даже образ говорящего. Кроме того, устная речь — это всегда беседа или диалог, в котором участвуют как минимум два сознания, и прекратить его можно, лишь отказавшись от участия в нем. В отличие от этого, чтение — это акт моновосприятия, в рамках которого читатель может породить новые смыслы.

Картина мира, формирующаяся с появлением письменности, выглядит совершенно иначе. Еще больше различий создает печатная культура, погружающая нас в понятийную систему передачи образов через текст. Например, когда вы читаете роман Льва Толстого «Анна Каренина», каждый из вас самостоятельно воссоздает образ Анны Карениной в своем воображении. А вот, например, если вы сначала посмотрели фильм, то вам запомнится визуальный экранный образ, от которого будет трудно избавиться при чтении. Поэтому прагматический совет: если собираетесь смотреть экранизацию какого-то романа, сначала прочитайте его. Это особенно важно при формировании сознания ребенка, который, увидев нечто ужасное на экране, не всегда сможет, как взрослый человек, осознать, что это лишь условный образ. Ребенок может воспринимать такой визуализированный образ именно как реальность и испугаться, что называется, на всю оставшуюся жизнь. А учитывая, что в современной культуре приобщение ребенка к смартфонам, айпадам и тому подобному, то есть к экранным образам, происходит на ранней стадии развития, можно лишь догадываться о тех отдаленных последствиях, которые повлияют на становление его психики.

Период устной культуры был связан с коммуникацией прежде всего через слух («мир уха»). Проведем такой мысленный эксперимент. Представьте себе, что вы с группой однокурсников сидите в кафе и беседуете. Вам приносят кофе, официант задает вопросы, открывается и закрывается дверь, мимо стола прошла и замыкала кошка. Все это происходит во время беседы. Попробуйте все происходящее описать на бумаге. Вам надо записать последовательность беседы, то есть последовательность тех, кто говорит или отвечает на вопросы, иные действия оказываются как бы вне беседы, но вы на них тоже реагируете, например

погладив и что-то сказав о кошке. В записи вы должны будете это либо опустить, либо поставить в скобки и написать, что прошла и мяукнула кошка (так часто делают в пьесах). Но в любом случае, если у вас будет задача передать лишь смысл беседы, то линейность записи проигнорирует все остальные «внешние» моменты, просто их не учитывая. А уж если в письменной форме вам придется передать само мяуканье, то окажется, что, несмотря на фонетическую близость в письменном языке, кошки в Германии, России и Франции мяукают по-разному, как и двери скрипят не одинаково.

Устная речь порождает смысл в результате прямого восприятия. На эту особенность устного восприятия обращал внимание еще Сократ, который был противником фиксации своих речей. Критикуя письменность, он говорит, что обучившиеся ей станут забывчивы, «так как здесь не упражняется память: доверяясь письму, припоминать станут внешне — по посторонним знакам, а не внутренне — сами от себя. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам видимость мудрости, но не истину. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без изучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами и трудными для общения; они сделаются мнимо-мудрыми вместо мудрых»¹. Восприятие и прослушивание (пропускание образов через зрение или слух) несут характер непосредственного восприятия смысла, без возможности его дальнейшей интерпретации. В отличие от этого, чтение текста, хотя и идет вслед за созданным автором смысловым пространством, оставляет возможность интерпретации читателем. Можно представить, что сказал бы Сократ о нынешней виртуальной коммуникации, в рамках которой идет обмен уже сконструированными образами, когда человеку вовсе не обязательно слышать и уметь слушать, чтобы такой образ воспринять.

Давайте проведем еще один эксперимент. Кто из вас помнит номера телефонов своих друзей? Не имена, которые всплывают в ваших смартфонах, а именно номера телефонов. Примерно 10–15 %. А еще 15–20 лет назад таких людей было бы процентов, навер-

---

¹ Платон. Федр / пер. А. Н. Егунова. М.: Прогресс, 1989. С. 65.

ное, 80, а еще раньше — почти сто. Сейчас в этом нет необходимости, потому что вы просто выбираете имя из списка в смартфоне. В случае с номерами телефонов это кажется безобидным, но ведь почти то же самое происходит, например, при поиске вами информации. Если вам нужно получить информацию, вы отправляете запрос в *Google*. Но очень мало людей эту информацию проверяет или сверяет с другой, а ведь гарантии того, что она истинна, вовсе нет.

Вернемся к культуре. Текст здесь всегда есть нечто завершенное. Это завершенная языковая конструкция, в которой слова и выражения заняли свое место и зафиксированы. Можно написать другой текст, но нельзя изменить уже зафиксированный в рукописи или книге. Все, что вы можете с этим текстом сделать, — это читать его. Можно интерпретировать данный текст, выбирая из него фрагменты, которые именно вам близки или для чего-то необходимы. Сам факт прочтения текста и есть его развитие, когда он пропускается через личностное сознание человека, который может придавать ему различные смыслы. Прочтение может быть достаточно близким к смыслу, который вкладывал в него автор, а может быть и весьма далеким. Следовательно, проникновение в смысл текста — это всегда интерпретация, границы которой могут быть заданы достаточно жестко, как в научных текстах, или быть свободными, вплоть до импровизации как высшей степени интерпретации, что характерно для художественных текстов. По сути, вы загружаете текст как понятийную систему в свой мозг, то есть вдумываетесь в каждое понятие, через ассоциации выстраиваете новые смыслы и т. д. Вы можете понять смысл текста вовсе не так, как предполагал автор. Именно поэтому и автор здесь не очень нужен, ибо текст отчужден от него в виде рукописи или книги. Это дало повод постмодернизму говорить о «смерти автора», который сделал свое основное дело, создав текст, а уж как с ним далее будут поступать — его не касается, и главное: он не сможет в этот процесс вмешаться. Не об этом ли говорил и Сократ: «Если меня прочтет невежда и поймет не так, я не смогу его поправить».

Сегодня в условиях доминирования «клипового мышления» мы можем варьировать развитие сюжетов. Например, нам не хочется, чтобы Анна Каренина бросалась под поезд. Можно выбрать другой

вариант, другой сюжет развития событий. В Интернете можно найти такие эксперименты. В этом принципиальное отличие восприятия литературы в классической культуре от, например, нынешнего сериала, который можно начать смотреть с любого места, с любой серии, и где в самый напряженный момент сюжет прерывается рекламой. Вы можете себе представить рекламную паузу в тексте? Такие вещи очень сильно меняют восприятие.

Интересно, что доминирование устной речи объясняет «ранний возраст поступления в средневековый университет. Чтобы научиться, как следует писать, студенты начинали курс в возрасте двенадцати-четырнадцати лет»¹, а студенты колледжей были моложе десяти лет. Продолжительность обучения была длительной, так как базировалась на системе зубрежки, чтении вслух и запоминании, в частности мертвой латыни, и умении воспроизводить тексты наизусть, а возможность распространения рукописных источников была ограниченной. То есть в основе обучения лежали прежде всего механизмы, включающие работу речевой памяти.

Письменность стала переходной формой к книгопечатному способу распространения информации. Речь перешла из стадии произнесения и прослушивания в стадию упорядоченного некими правилами записывания. Более того, устной речи стали учиться на основании фиксированных правил. Изначально письменность была жестко локализована (даже географическим пространством) и рассматривалась прежде всего просто как средство фиксации устной речи. Благодаря письменности стали корректироваться и правила устной речи, для которой создавались образцы. **Правила письменной речи начали регулировать устное произношение. Мы начинаем говорить, уже предварительно имея в голове некие грамматические формы,** то есть говорить «по писаному». А если учесть, что в каждой культуре свои грамматические формы и правила построения речи, можно сказать, что это одно из основных различий между культурами, поэтому сделать точный перевод в некоторых случаях не представляется возможным. Я часто говорю моим студентам, которые, как и положено философам, любят Хайдеггера, что хайдеггеровский «дом бытия» — это не русская избушка,

¹ Маклюэн М. Указ. соч. С. 141.

поскольку уже в понятие «дом» заложены многие вещи, связанные с немецкой культурой.

Культурный взрыв произошел тогда, когда книгопечатание начало эту линейность тиражировать, а следовательно, линейное отношение к миру проникло на все уровни сознания, став «основой для организации всех других видов деятельности»¹. Для того чтобы его прочесть, люди осваивают сначала алфавит, затем грамматику, учатся читать по одним и тем же правилам. Образы, возникающие в их воображении по мотивам прочитанного, могут быть разными, но процесс чтения протекает одинаково. И это линейное восприятие проецируется на отношение к миру в целом, что формирует основу для организации новых видов деятельности. **Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой,** в качестве которой выступает весь мир в целом — от законов классической физики до линейной концепции развития общественных формаций. Книгопечатание покончило с анонимностью, которая была неизбежным следствием рукописной культуры, в которой автор и переписчик могли полностью слиться. **Мы стали мыслить грамматическими формами, перенесли грамматику в саму реальность.** В каком-то смысле по законам грамматики мы трансформируем окружающее нас бытие. Фонетический алфавит, законы грамматики, зафиксированные в растиражированных печатных образцах, оказывают влияние «на формы опыта, мировоззрение и самовыражение»². Обращаясь к своему опыту и опыту коллег постарше, могу привести пример: свои диссертации мы писали на пишущих машинках, компьютеров тогда еще не было. Это был совершенно другой способ написания текста. Представьте себе, вы печатаете текст, на странице примерно 20 строчек, и вдруг в 19-й строчке вы делаете ошибку. Что делать? Вы вынимаете из машинки лист, вставляете новый и перепечатываете все заново. Но поскольку вы человек творческий, у вас появилась новая идея, вы вносите эти изменения в текст и вновь можете сделать ошибку. В результате текст, напечатанный на машинке, сильно отличается от рукописного варианта и тем более от современного текста, набранного

¹ Маклюэн М. Указ. соч. С. 207.

² Там же. С. 4.

на компьютере. Компьютер вообще кардинально изменил ситуацию. Вот представьте: если бы Пушкин писал стихи на компьютере, у нас сейчас не было бы его знаменитых черновиков с рисунками на полях. Текст, который вы создаете в компьютере, — это всегда последний вариант, он датирован тем днем, когда вы в последний раз с ним работали. Но огромный пласт литературы, если взять, например, полное собрание сочинений Достоевского или Толстого, — это почти на треть наброски, черновики и прочее, что не вошло в окончательный вариант.

Линейное мировоззрение, связанное с написанным текстом, переносится на все сферы жизни. А то, что линейно, по умолчанию имеет начало и конец. Следовательно, **линейность порождает еще одно свойство — завершенность**, поэтому и тексты классической культуры, и классические архитектурные строения, и классические музыкальные произведения характеризуются завершенностью. Все они требуют целостного восприятия. Но у современного человека чаще всего нет времени прослушать классическую симфонию целиком. В лучшем случае он будет слушать ее по дороге на работу урывками. Это уже не говоря об операх Вагнера, которые длятся иногда около 12 часов. Возникает множество коллизий, связанных с восприятием произведений культуры — оно подвергается серьезной деформации.

Переход к печатной фиксации текста, а ныне к электронной изменяет особенности памяти человека, включает иные механизмы восприятия. Чтобы сегодня воспроизвести некую информацию, нам вовсе не обязательно стимулировать свою память, свой мозг, как это происходило в период доминирования устной речи. Нам достаточно вспомнить, где стоит словарь или книга, чтобы выудить оттуда информацию. С появлением электронных средств это часто сводится к правильному нажатию кнопки или набору ключевого слова в поисковой строке Интернета. Это намного эффективнее и проще, но одновременно таит в себе опасность потери внутренних способностей человека, связанных с совершенствованием памяти. Когда вы еще получали информацию из книг, вам достаточно было помнить, где стоит нужный вам словарь или энциклопедия. С появлением электронных средств исчезла необходимость даже в этом: теперь достаточно послать запрос в *Google*, и он сразу ответит.

Однако здесь есть свои подводные камни. Вот представьте себе: школьник хочет узнать больше о Великой Отечественной войне и находит в Интернете, например, книгу Резуна-Суворова, в которой дается совершенно иная (не традиционная) трактовка событий и причин этих событий. В Интернете сосуществуют и становятся доступными для всех и сразу версии тех или иных событий, те или иные описания фактов и трактовки явлений, которые противоречат друг другу. Информация о событиях в русскоязычной и англоязычной Википедии может отличаться. Не говоря уже о том, что сведения из Википедии зачастую не верифицированы. Мы можем пользоваться ими в справочных целях, но в целом к подобным ресурсам стоит относиться осторожно. Кроме того, интернет-поисковики подбирают для вас информацию, исходя из ваших интересов (на которые указывают ваши запросы) и вашего местонахождения. Поэтому она будет различаться, если вы находитесь в роскошном отеле, в университете или в обычном спальном районе Петербурга. Разными будут и новостные ленты. Но у вас все равно сложится впечатление, что это объективная информация, предназначенная для всех. То есть мы даже не всегда осознаем, что происходит манипуляция нашим сознанием. И это неизбежно, если только мы не отключим Интернет и не избавимся от телевизора.

Электронная культура приводит к доминированию образа или даже простой картинке, как, например, обозначение, позволяющее нам разыскать туалет в любой стране, даже в Японии или Китае, вовсе не зная иероглифов. Но мы постепенно начинаем, например общаясь в социальных сетях, заменять слова смайликами вместо того, чтобы, допустим, написать человеку поздравление с днем рождения или позвонить и поздравить лично, — мы, по сути, заменяем эмоциональное общение общением другого типа. Кстати, такие явления в культуре повторяются. Юрий Михайлович Лотман, блестящий семиотик, записавший много лекций по русской культуре, приводит такой пример: во времена Пушкина язык символов тоже существовал, но вместо нынешних смайликов у светских красавиц были бархатные мушки, которые они наклеивали на лицо особым образом. Количество, сочетание и расположение этих мушек могло нести в себе какое-то сообщение, например: «Сегодня вечером

я свободна». То есть в каждую эпоху мы можем найти в культурной среде явления, сходные с нынешними.

Главной особенностью печатной культуры становится ее массовость. Именно с этого момента, то есть с 1445 года, можно говорить, как отмечает Петер Винтерхофф-Шпурк, о начале развития современных массмедиа и приводит впечатляющие и сегодня темпы нарастания технологии книгопечатания. Всю историю человечества он принял за сутки (24 часа) и выделил те моменты времени, в которые были изобретены технологии коммуникации. Например, речь появилась в 21 час 33 минуты, письмо — в 23 часа 52 минуты. Первую книгу мир увидел в 23 часа 58 минут, а через минуту с небольшим, в 23 часа 59 минут и 14 секунд, уже появился печатный станок с подвижными буквами — изобретение Гутенберга. Через 33 секунды люди получили радио и телевидение»¹. Если мы будем далее развивать этот образ циферблата, то Интернет появился какие-то сотые доли секунд назад. Вот так меняется и сжимается время. Если от появления рукописной книги до печатной прошли века, то айфон едва успел появиться, как уже устарел, — многие из вас наверняка успели сменить уже несколько его версий. Сейчас если мы забываем айфон дома, то обязательно возвращаемся, потому что уже не знаем, как без него жить. А когда телефоны были стационарными и их нельзя было вынести даже в соседнюю комнату, люди покупали специальные удлинители, чтобы можно было перемещаться с телефоном хотя бы в пределах квартиры. Все это кардинально меняет человеческое восприятие и сознание.

Таким образом, культура после возникновения книгопечатания и вплоть до нашего времени представляла собой локальное образование. Такая локальность была связана с национальным языком, который ограничивал понимание этой культуры представителем другой культуры. А язык, в свою очередь, был продуктом данной культуры, возникая из традиций, верований и стереотипов поведения человека. В этом смысле с некоторой натяжкой можно сказать, что никакой «общечеловеческой культуры» не существовало. Каждая культура представляла собой локальное образование, они отличались друг от друга, хотя и взаимодействовали между собой. Более

¹ *Винтерхофф-Шпурк П.* Медиапсихология. Основные принципы. Харьков : Гуманит. центр, 2007. С. 50–53.

того, чем ближе были те или иные культуры, тем хуже порой складывались отношения между ними.

Представьте себе историю русско-польских отношений в изложении русского и поляка. Две эти версии не будут сходными. Если для нас, например, Александр Васильевич Суворов — герой, и орден Суворова I степени — это высокая воинская награда, то для поляков Суворов — это человек, который потопил в крови Варшавское восстание. В каждой стране учебники истории излагают версии событий по-разному. Мои дети некоторое время учились в немецкой школе. Средний сын увлекался трудами Льва Гумилева, поэтому много знал о монголах. Он все время задавал учителю вопросы на эту тему, но в немецкой школе во всеобщей истории монголов вообще не изучали, как будто они никогда не существовали. То есть представления об истории могут быть абсолютно разными даже в соседних странах.

Локальность культуры связана прежде всего с национальным языком, который ограничивает для представителя другой культуры понимание вашей, если он не знает вашего языка. И наоборот, благодаря знанию иностранного языка чужая культура может раскрыться для вас. Также имеет значение стадия развития культуры. Например, Пушкина не очень хорошо знают в западной культуре, в отличие от Достоевского. Это связано с тем, что русская культура в эпоху Пушкина была воспринимающей — Пушкин еще только создавал русский литературный язык, а во времена Достоевского она была транслирующей, отдающей.

Общение культур может проходить по-разному, у них могут быть разные мотивации для этого. Какие-то чужеродные элементы они включают, другие, наоборот, не допускают. Есть слова, перекочевавшие из одного языка в другой и утратившие при этом первоначальный смысл. Например, есть такое русское слово «лебезить». Одна из версий его происхождения — искаженное немецкое «Ich liebe Sie» — «Я вас люблю». Так говорили немцы, приехавшие в Россию и не знавшие русского языка, чтобы расположить к себе местных жителей. Есть версия относительно названия города Дрездена, происходящего от славянского «дрязги».

Сегодня реформаторы образования призывают нас перейти на английский язык. Однажды я сказал одному бывшему министру

этого ведомства: «Запретите русский язык вообще, и тогда все рано или поздно заговорят по-английски. Но есть опасность, что тогда они не смогут Пушкина в подлиннике читать. Хотя цитируемость повысится, безусловно». К языку надо относиться очень бережно и осторожно, поскольку он является стержнем культуры.

В этом смысле мы будем рассматривать культуру прежде всего как семиотическую систему. При таком уточнении локальная культура выступает как система закодированных знаков, значений и смыслов, которые часто могут быть понятны только представителю данной культуры, присутствуя в его сознании как культурная память. В качестве таковой системы выступает текст. «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорируются в нем, может быть названа памятью текстов»¹.

То есть любой текст, по сути, хранит историю, даже не обязательно исторический. У Юрия Михайловича Лотмана есть работа, посвященная «Евгению Онегину». И там он объясняет все, что непонятно в этом произведении современному читателю. Казалось бы, слова все знакомые, но имеют другие значения, употребляются в другом контексте. И сумма контекстов, в которой данный текст приобретает осмысленность, является памятью текстов и памятью культуры. Соответственно одна культура познает другую как семиотическую систему, то есть, познавая другую культуру, мы как бы занимаемся дешифровкой — мы расшифровываем ее текст. Именно поэтому смысл одной культуры, как и поведение представителей этой культуры, может казаться постороннему наблюдателю непонятным и странным.

Ю. М. Лотман развивает мысль, что инструментом кодирования памяти культуры выступает живой язык, включающий в себя историю своего создания и функционирования. «Язык — это код плюс его история»², как кратко и емко формулирует это Ю. М. Лотман. Таким образом, раскрытие смыслов культуры связано как раз с этими двумя полюсами живого языка. Без собственной истории он уже

¹ Лотман. Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

² Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

не был бы живым, а представлял собой некий искусственный язык. Искусственная языковая система, конечно, проще для расшифровки, так как является абстрактной моделью коммуникации, которая «подразумевает не только пользование одним и тем же кодом, но и одинаковый объем памяти у передающего и принимающего»¹. М. М. Бахтин отмечал, что мы можем перевести любое слово любого языка на другой язык, но не можем перевести даже одного предложения, потому что предложение как совокупность слов каждый раз может порождать разные смыслы.

Это серьезный аргумент, о котором стоило бы задуматься сторонникам процессов глобализации. Если бы мы с вами были богами и создавали этот мир, нам, конечно, было бы удобнее для того, чтобы потом этим миром управлять, наделить его только одним языком, одной системой права, одинаковой культурой, и это действительно было бы удобнее. Но мы не можем этого сделать, а тем более переделывать наш мир, который многообразен, многокультурен, использует множество языков и различные системы права, которые также укоренены в культуре. А когда нам предлагают в рамках глобализации всем стать одинаковыми, возникает и другая проблема: нас хотят подогнать под некую модель. Но эта модель не спущена Богом. Нам всегда предлагают какую-то конкретную модель, считая ее лучшей, даже если следствием станет разрушение нашей собственной культуры (что чаще всего и происходит).

Если рассуждать об искусственной языковой системе, то она также не имеет культурной истории и именно поэтому проще для расшифровки. В этом смысле любые специфицированные языки проще, ибо они решают конкретные узкие задачи логического или математического типа. В истории культуры были попытки создать некий единый искусственный язык для живого общения, например эсперанто. Но даже такой язык по сути есть, опять же по выражению Ю. М. Лотмана, «структура без памяти». Он может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но всегда будет относительно беден. Познание культуры как системы живого языка связано с познанием не столько структуры текста (грамматики языка), сколько с проникновением в его внутреннюю смысловую

---

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв.

специфику, основанную на истории и особенностях данной культуры. Иногда необходимость языкового понимания требует реального погружения в другую культуру. Герцен, который знал много языков, говорил, что иностранный язык надо знать в совершенстве, но в то же время все должны понимать, что вы русский. То есть нужно проникать в чужой язык, но не растворяться в нем. Еще один пример: Альберт Швейцер, знаменитый философ-гуманист, теолог, музыкант, написал работу о Бахе на французском языке. Он одинаково хорошо владел французским и немецким, и ему предложили перевести книгу на немецкий, чтобы издать ее повторно. Но он не смог сделать перевод — ему оказалось проще написать, по сути, другую книгу.

Локальность классической культуры проявлялась в том, что для человека, находящегося внутри нее, она представляла собой почти застывшую систему. Происходившие в ней изменения обнаружить было почти невозможно, так как они выходили за рамки индивидуальной жизни. Ядро такой культуры на протяжении столетий оставалось неизменным, его основное содержание передавалось от поколения к поколению. Именно эта консервативность и элитарность определяли лицо классической культуры. Оценить изменения можно было лишь «извне» и, как правило, лишь по прошествии длительного времени. Такая культура была основана на эволюционной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к себе новых компонентов и их постепенной модификации.

В результате диалог культур реализуется внутри особого смыслового пространства, обозначенного Ю. М. Лотманом как «семиосфера» по аналогии с биосферой В. И. Вернадского, в которой роль живого элемента выполняет язык, точнее, языки, различающиеся по смыслу, по социокультурной форме функционирования и т. п. Культуры, таким образом, пересекаются между собой как некоторые языковые множества. Область пересечения в редких случаях может быть большой (гипотетично даже тождественной), но в основном незначительной, чему соответствует и пересечение смыслов культур.

Например, мы любим повторять выражение И. С. Тургенева: «...о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». Но можно предположить, что нечто подобное о своем языке может сказать англичанин или немец, француз или японец. Тургенев делал такой вывод как великий писатель, знавший другие языки и другие культуры, то есть имевший возможность сравнивать их. Чтобы сделать выводы о своей культуре, нужно познакомиться с другими культурами, и тогда, возможно, некоторые умозаключения окажутся верными.

Этот принцип и лежит в основе «диалога культур», о котором часто говорил Д. С. Лихачев. Но при этом надо иметь в виду, что «ценность диалога оказывается связанной не с пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той ситуацией, которая затрудняет общение, а в пределе делает его невозможным»¹. Желание и необходимость понимания увеличивали область смыслового пересечения, но этому препятствовало «напряжение», возникающее в процессе диалога культур, связанное с тенденцией сохранения внутренних смыслов культуры. То есть мы стремимся к диалогу в тех ситуациях, в которых он наиболее сложен, когда нас разделяет барьер непонимания. Но это непонимание, как говорит Ю. М. Лотман, очень важно. Непонимание интересно, непонимание означает, что человек в принципе может быть другим, что культура может быть другой, что государство может быть другим, что ощущение времени может быть другим и т. д. Пожалуй, на этом я сегодня закончу.

---

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

Вопросы и ответы

И. В. ПАНКРАТОВ, старший преподаватель кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — *Уважаемый Владимир Васильевич, по поводу непонимания: мне вспомнился эпизод, кажется, хрущевской эпохи, когда на дипломатическом приеме министр культуры троекратно расцеловал японского посла, после чего тот развернулся и уехал. Никто из наших не понял, почему так произошло. В связи с этим вопрос: кроме языка культуры, могут ли способствовать коммуникации, например, языки логики или математики?*

— Языки логики или математики — это как раз в большей степени искусственные языки. Перед ними изначально ставится другая задача, они выполняют другие функции. Но они могут способствовать и коммуникации в отдельных сферах.

Касательно поцелуев мне вспомнился один эпизод: Фидель Кастро, чтобы избежать поцелуев Л. И. Брежнева (он опасался, что на Кубе после этого его засмеют), при встрече с генсеком в Москве в 1974 году не выпускал изо рта сигары.

А по поводу сложности передачи истинных смыслов расскажу еще пару историй, связанных с переводами.

Была очень известная венгерская переводчица, Като Ломб, знавшая множество языков. Однажды она переводила переговоры венгерской делегации, приехавшей в Японию, с японскими предпринимателями. Один из них, чтобы расположить к себе делегацию — а Венгрия тогда была социалистической, — сказал, что в детстве питался исключительно крабами. Но в Венгрии в те времена крабы были чрезвычайным деликатесом. Если бы она перевела дословно, то смысл фразы не был бы передан. И она перевела таким образом: «Я в детстве питался одной мучной похлебкой». И смотрите, что любопытно. С точки зрения перевода значения слова произошло искажение, а вот смысл того, что хотел сказать человек, был передан точно. Поэтому перевод — это магическая работа, которая может как помочь диалогу, так и сделать его невозможным.

Елена ПАПУШОЙ, I курс, факультет искусств: — *Скажите, пожалуйста, можно ли назвать международным язык жестов? В разных странах значение многих жестов различается.*

— Вообще языков, которые выполняют функцию международных, очень много. Язык жестов, конечно, более интернационален, чем тот же язык эсперанто. Связано это с тем, что он опирается на систему, распознаваемую другим человеком интуитивно: он улавливает смысл манипуляций пальцами или руками. Но и здесь бывают проблемы, когда, например, жестами подтверждая наше согласие (в языке «да»), мы интуитивно наклоняем голову и, напротив, когда не согласны, соответственно крутим головой в разные стороны, но есть культуры и достаточно близкие к нам, где эти же жесты означают прямо противоположное, и это также объясняется историей данной культуры.

Екатерина ПУШКО, I курс, факультет культуры: — *Можно ли считать петербургскую и московскую культуры локальными? И есть ли, на Ваш взгляд, между ними существенные различия?*

— Скажем мягче: они, безусловно, имеют, свою языковую специфику, которая проявляется в живой речи, интонации, частоте использования тех или иных слов. Московский говор более мягкий. Или известное различие: москвич говорит, что в доме есть подъезд, а петербуржец — парадная. Таких примеров множество. Естественно, есть определенные различия между научными школами. Например, петербургская онтологическая или культурологическая школа отличается от московской. Иногда эти различия весьма серьезны. В Баварии здороваются не «guten Tag», а «grüß Gott». Если вы говорите «guten Tag», сразу ясно, что вы не баварец, а возможно, и не немец.

Полина КАЗАНЦЕВА, I курс, факультет культуры: — *Владимир Васильевич, у меня вопрос в связи с Вашим тезисом, что язык — это ключ к истории народа. Многие современные компании вследствие развития электронных переводческих технологий отказываются от услуг переводчиков. Как Вы относитесь к перспективе,*

что электронные переводчики вытеснят человека из всех сфер, кроме художественного перевода?

— Во-первых, вы отчасти себе противоречите: если человек остается в сфере художественного перевода, значит, электронные переводчики не внедряются повсеместно. Думаю, что при всем своем впечатляющем техническом совершенствовании электронный перевод будет страдать неточностью и потерей вариативности и гибкости, как в случае с венгерской переводчицей, о котором мы говорили выше. Здесь не будет учитываться история и локальность культур и отдельных языковых культурных образований. Хотя — и это печально — к этому можно привыкнуть, если большинство людей будут этим пользоваться, и тогда они просто не будут замечать бедности своего языкового общения. Такое, кстати, иногда происходит в узких и замкнутых социальных образованиях. Кроме того, перевод — это форма самостоятельного творчества, а не ретрансляции информации. Как вы знаете, многие классические произведения, которые уже давно вошли в золотой фонд мировой литературы, продолжают переводить снова и снова. Дело в том, что они воспринимаются иначе в новом историческом контексте. Машинный перевод, который, конечно, будет распространяться, может способствовать потере так любимой нами языковой тонкости, и мне этого не хотелось бы. Кроме того, имеются почти глобальные различия, скажем так, европейских языков и, например, китайского. В Китае он во многом фонетический, в котором важную роль сохраняет звучание и в зависимости от которого слово переводится, например, на европейский язык. Научится ли машина учитывать такую фонетику? Не знаю. Кстати, в Китае был очень популярен наш эстрадный певец Витас. Его пение чисто эстетически доставляло китайцам удовольствие, поскольку они воспринимали палитру фонетических оттенков его голоса.

Лекция 2

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ОТ ДИАЛОГА К МОНОЛОГУ?

10 ноября 2018 года

На прошлой лекции мы выяснили, что с появлением письменности, а затем книгопечатания культура локализовалась и рамками такой локализации стали ее этнические и национальные особенности, прежде всего язык. Книга печаталась всегда на каком-то одном языке. В науке от этой многозначности пытались уйти, публикуя научные трактаты на латыни, но это имело свои сложности, связанные с освоением данного языка, а значит, возможностью его распространения. Кстати, вместо комментария, выбор «мертвого языка» в качестве формы научной коммуникации был более верным шагом, чем попытки сделать языком научного общения живой язык, например английский, как это происходит сегодня, ибо он всегда будет нести печать своего происхождения и модификаций. Уж лучше тогда, по моему мнению, снова вернуться к латыни.

Культура несет на себе печать своего формирования и функционирования в конкретном социокультурном пространстве. Локальность классической культуры связана с языком, этническими и религиозными характеристиками. Особенностью локальных культур является то, что диалог между ними можно представить в виде пересечения двух и более языковых множеств. И мы говорили о том, что такое пересечение может быть разным и осуществляться в рамках семиосферы. По сути, диалог культур есть обмен смыслами посредством языка. Условно говоря, английская и французская, русская и немецкая культуры пересекались таким образом, что некоторые черты одной культуры перетекали в другую, а некоторые — блокировалось. И такой механизм культурного общения сохранялся очень долго и во многом сохраняется и поныне.

В настоящее время происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое существенно влияет на функционирование и взаимодействие культур, на их внутренние компоненты. Я это обозначаю как процесс трансформации культуры, что

требует некоторых пояснений. В данной лекции мы рассмотрим, как деформируется диалог культур вследствие возникновения новых технологических средств коммуникации, глобальных интеграционных тенденций и т. д.

Базовой классической локальной культурой были письменная культура и книгопечатание, которые создали особое пространство диалога. Ситуацию, в которой мы находимся в настоящее время, можно сравнить с культурным взрывом. Такое тоже было в истории человечества. Первый взрыв произошел, когда появилось книгопечатание. Сегодня мы наблюдаем взрыв более мощный, чему и посвящена лекция, которая не случайно называется «От диалога к монологу», так как в условиях огромных коммуникационных возможностей, как это ни странно, диалог скорее разрушается и превращается в глобальный монолог. Для характеристики таких изменений я использую термин **«трансформация»**, под которым **понимаю внутренний процесс изменения системы, реализуемый за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющий ее работать иным образом.**

Это напоминает процесс трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. Клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, приводящий на генетическом уровне к изменению фенотипа. В ряде случаев это позволяет обеспечить выживание организма, фактически видоизменив его изнутри, когда клетка сама начинает бороться с наследственными болезнями. Но в ряде случаев он трудно контролируем, что может приводить к мутациям (непредсказуемым последствиям). Чем сложнее система, тем менее предсказуемым становится этот процесс. **Трансформация культуры — схожий процесс привнесения в нее «культурной инфекции» в качестве чужеродной.** Допустим, в русскую, или немецкую, или французскую культуру проникает инфекция, которая начинает преобразовывать ее, хотя внешне это незаметно. Постепенно мы замечаем, что культура становится другой. Например, если говорить о русской культуре, то мы неожиданно увидели, что все дети знают «Макдоналдс», пепси-колу и Микки-Мауса, но не знают, например, кто такая Баба Яга. И все вроде бы по-прежнему, все говорят по-русски, здорова-

ются, выглядят как русские, но что-то изменилось: общаются и улыбаются почти по-американски и пр.

Американский медиавед и публицист Дуглас Рашкофф¹ пишет о том, что **культуры атакуются медиавирусами и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, там, где ослаблен культурный иммунитет.** Культура получает инфекционное заражение через насаждение в нее культурных стереотипов, которые не вытекают из ее истории и особенностей функционирования. Впитывание порций однотипных культурных инфекций способно модифицировать всю человеческую культуру. Например, мы сегодня (как и в других странах) смотрим сериалы, большинство из которых являются лицензионными продуктами США. Просто в режиссерские схемы и прототипы героев вставляются наши имена, наши актеры и все снимается на фоне нашей действительности (или немецкой в Германии). То же самое со всеми этими бесчисленными шоу, которые мы можем смотреть в любой стране мира по схожему образцу и на другом языке, но часто уже и язык используется один.

Есть фантастические по способу своего самовыражения проекты. Например, проект «Фабрика звезд». Ведь что такое в своем изначальном значении слово «фабрика»? Это крупномасштабное производство, которое изготавливает товары машинным способом, конвейерное производство стандартизированных продуктов. Что такое «звезда» в искусстве или науке? Это всегда личность, то есть уникальность, в основе которой всегда лежит отличие от другого. Сочетание «фабрики» и «звезд» порождает противоречивое понятие «стандартных звезд», то есть массовое конвейерное производство уникальности. Нельзя фабричным способом производить Эйнштейнов или Бахов. Соответственно, для такого массового производства выбираются стереотипные модели, которые затребованы в массовом сознании и заданы культурой, доминирующей в этом производстве. И ведь в результате мы и получаем весьма усредненный и часто неотличимый друг от друга продукт, а публика впитывает культурные стереотипы. Почти все одинаково одеваются, улыбаются, здороваются, навязывается один язык, который еще

¹ См.: *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.

в большей степени все упрощает. Однотипные культурные инфекции постепенно модифицируют всю культуру. Уже новое поколение воспитывает своих детей в этой культуре, будучи сами так воспитаны.

Под воздействием глобализации происходит трансформация культуры, то есть ее разрушение как системы разнородных локальных культур и **становление глобальной культуры** с неизбежным доминированием в ней одной или группы культур. Когда для обозначения этих процессов мы используем термин «американизация», это не является следствием негативной оценки самих США, а просто отражает факт, что именно та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе в сфере информационных технологий, может быть своеобразным культурным донором, распространяющим медиавирусы на все пространство современной культуры. Еще в 1987 году, тогда и персональных компьютеров по сути не было, я, будучи молодым преподавателем, написал статью о социальных проблемах компьютеризации¹, в которой обращал на это внимание. Это вовсе не означает, что мы должны негативно относиться к Соединенным Штатам Америки, к культуре этой страны, в которой тот же Микки-Маус является частью этой культуры. Но поскольку они действительно лидеры в области новейших технологий, в том числе в сфере коммуникации, в рамках современных глобальных тенденций мы неизбежно будем воспринимать образцы их культуры вплоть до стереотипов поведения, что сегодня уже и происходит. А ведь Соединенные Штаты Америки моложе Московского или Санкт-Петербургского университетов, которые возникли и развивались в рамках собственной культурной среды, и думается, что в нашей культуре хватает собственных культурных героев. Такое проникновение медиавирусов характерно не только для нашей страны: то же самое, например, а может быть, еще и в большей степени, происходит, например, в Германии, где при прочих равных условиях с вами скорее будут разговаривать по-английски, чем по-немецки.

Я говорю все это для того, чтобы показать, как изменяется диалог между культурами. С одной стороны, благодаря новейшим тех-

¹ См.: *Миронов В. В.* Компьютеризация: проблемы и перспективы (социальный аспект) // *Философские науки.* 1987. № 7. С. 26–36.

нологическим возможностям бесконечно расширяется диалоговое пространство культуры, а с другой — упрощается сам характер общения, который начинает подчиняться общекультурным стереотипам. Например, в Интернете есть множество возможностей для посещения библиотек, занятия творчеством, но если мы проанализируем, чем занимается здесь большинство людей, на 80 % это будет совсем иное (вплоть до пустой болтовни).

Коммуникация из состояния некоего фона, фиксирующего события, превращается в своеобразный стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Культура начинает функционировать по законам коммуникации массмедийного смыслового пространства. Более того, события может и не быть, но если оно попало в медиа, значит, произошло. Например, сегодняшняя лекция является событием, может быть, для некоторых из нас (для меня точно), но не для широкого коммуникационного пространства. А вот если бы здесь было несколько телевизионных камер, она могла бы стать событием иного — более широкого — масштаба. Последнее влияет уже на самих людей. Мы знаем политиков, которые выглядят как нормальные и даже умные люди, но только до тех пор пока не появляется телевизионная камера, что сразу изменяет сам тип их поведения и коммуникации с окружающими.

Более того, господствующая система коммуникации конструирует восприятие нами окружающего мира, формируя цепочки событий, их причинно-следственные связи, и нам часто кажется, что это истинное восприятие мира нашим сознанием. Приведу еще один пример. Я был в Германии в то время, когда несколько лет назад разразился конфликт России с Грузией. Находясь в другой стране, я смотрел местное телевидение и ни разу не видел, чтобы показывали Саакашвили, жующего галстук. Когда я приехал в Россию, то телевизионные сюжеты были заполнены этим эпизодом. Поскольку я мог сравнивать, то, естественно, сделал вывод, что могло быть и то и другое. Но поставьте себя на место жителя данной страны, который не имеет возможности, да и особого желания сравнивать. Для него реальным фактом будет выступать показанное по телевидению. Мы всегда находимся в конкретной системе коммуникации,

то есть некой сконструированной системе, которая что-то отбрасывает, а что-то выдвигает на первый план.

Проследить трансформацию культуры можно по деформации тех культурных механизмов, о которых мы говорили на прошлой лекции, описывая модель локальной культуры. Рассмотрим некоторые из них.

В самой локальной культуре присутствовал своеобразный диалог между двумя ее уровнями. Существовала так называемая **низовая часть культуры, которая вбирала в себя стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни, была близка конкретному человеку**. Этому противостояла **высокая культура, которая вырабатывала продукты, далеко отстоящие от жизненных стереотипов и представлений, и была удалена от реальности, представляя собой идеальный культурный пласт**. Эта верхняя, рафинированная часть культуры постепенно оформляется в истории человеческой цивилизации как Культура с большой буквы. Она принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности. Она требует определенной подготовки при ее восприятии, определенной формы организации пространства для репродукции своих образцов. Например, нельзя было послушать произведения Баха, не посетив храм или консерваторию как особым образом организованные пространства. Обе части культуры были взаимосвязаны, и образцы низовой культуры переходили в разряд высокой, пройдя весьма долгий путь. Например, стихи Джона Леннона, которые еще вчера можно было отнести к массовой (то есть низовой) культуре, сегодня вошли в программу британских школ. Даже в наше время это произошло не сразу, а можно представить, сколько понадобилось бы времени на такой переход в XVII или XVIII веке.

В настоящее время оппозиция «высокая–низовая» культура деформируется, и относительная гармония между ними разрушается: низовая культура начинает доминировать. В Средние века, по исследованиям М. М. Бахтина, низовая культура царила во время карнавала. Особенностью последнего как раз было то, что здесь высмеивались образцы высокой культуры, которая была недоступна простому народу. Само выделение двух уровней у М. М. Бахтина было связано с перенесением на культуру образа

телесности человека. Метафорически тело человека разделялось, и то, что находилось выше пояса, было направлено к голове (разуму), а то, что ниже, — в противоположную сторону, где преобладали животные инстинкты. То же самое происходит и в культуре. Если мы посмотрим на такой образчик современной массовой культуры, как Comedy Club, то легко обнаружим, что большинство шуток, которые там репродуцируются, — ниже пояса, и это становится нормой общения, люди часто смеются не потому, что это действительно смешно, а потому, что здесь так принято.

На средневековом карнавале царствуют шуты и дураки в колпаках. Но если мы посмотрим на пространство Интернета и коммуникации в социальных сетях, то обнаружим очень схожие моменты. Вместо колпаков и масок — по сути, то же самое — ники, за которыми часто неизвестно кто скрывается. Более того, вы можете создать несколько ников и спорить с самим собой. Здесь можно бесконечно троллить и оскорблять другого. Чем не средневековый карнавал, но на ином уровне технологического развития? Карнавал, имевший в Средневековье определенные временные рамки, в наше время доминирует повсюду в виде поп-культуры, которая становится преобладающей благодаря современным массмедиа. Поп-культура — это доминирование низовой культуры в глобальном масштабе, поэтому она функционирует вне сущностных особенностей отдельных культур. Это прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Человек буквально во всем ищет зрелищности. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу. В центре такого рода «творчества» лежит имитация. Творчество подменяется симуляцией такового и направлено на создание псевдообразов, симулякров. Имитация выступает не просто временной подменой реального смысла, реального события, а занимает место этой реальности в сознании общества и человека.

Это не значит, что люди, которые в этом участвуют, не могут делать это талантливо. Более того, поп-культурой могут стать и Бах, и Моцарт. Мы можем, подключив к телефону наушники, слушать сочинения Баха, пока едем на работу. Мы можем в любой момент прекратить прослушивание, что было бы невозможно, если бы мы

---

¹ См.: Раикофф Д. Указ. соч. С. 15.

находились в консерватории. Поп-культура функционирует без особой опоры на этнические особенности, традиции, собственную культуру. Не случайно доминирующим здесь является английский язык как наиболее широко распространенный и осваиваемый. Если исполнитель хочет победить на музыкальном фестивале, желательно исполнять песню на английском языке. Поп-культура — превосходная среда для распространения стереотипов поведения, моды, убранства, одежды. Человек начинает буквально во всем искать зрелищности, реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу. Шоу как форма коммуникации и демонстрации пронизывает все уровни нашей культуры. На телевидении доминируют политические шоу, где люди друг друга не слушают, а просто кричат. Меня часто приглашают на такие шоу, но я стараюсь не ходить, потому что они не имеют никакого смысла. **Весь современный мир превращается в большое поп-шоу и работает по законам данного жанра.** В каком-то смысле происходит погружение общества в современный средневековый карнавал, который возродился в нашей жизни в условиях иной информационной среды. В центре творчества, которое реализуется внутри поп-культуры, лежит **имитация**. Поп-культура в широком смысле настроена на имитацию. Творчество понимается как симуляция и направлено на создание псевдообразов, которые потом начинают доминировать. Низовая культура официально признается как ее превращенная форма, ее представители удостоиваются высоких званий и наград, становятся героями, и какая-нибудь эстрадная звезда рассказывает, в каких муках творчества сочинила бездарные стихи.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусом. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чем и базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд, или поп-лидеров политики. Благодаря новейшим средствам коммуникации и возможностям аудиовизуальных средств влияние поп-культуры на общество безгранично и проникает во все уровни общественного сознания. Принципом распространения становится узнаваемость. Если вас узнают в медиапространстве, то вы победили. И люди уже не могут от этого отказаться. Даже умные люди ничего не могут с этим поделать, потому что общество перестроено: все равно перед вами

будут стоять камеры, исказят ваши слова там, где это можно сделать, и пр. То есть вы попали в ловушку, выбраться из которой очень трудно.

Трансформируется дихотомия «прикровенность – откровенность», которая была связана с представлением о том, что некоторые явления и формы поведения, несмотря на то что они присутствуют в реальной жизни, должны быть сокрыты от посторонних, что реализовалось в соответствующем культурном стереотипе поведения. В рамках этой культурной дихотомии возникала своеобразная периферийная зона бытия — его изнанка, которая присутствует в жизни людей, но о которой не принято говорить, — она требует смыслового прикрытия. Кстати, на этом базировалась система воспитания ребенка и подростка. Одни книги родители разрешали читать и ставили их на доступную нижнюю полку шкафа, а другие убирали на верхнюю полку или вообще закрывали. Или, например, взаимоотношения между мужчиной и женщиной, в которых присутствует сексуальная составляющая. Вряд ли прогресс в этой области взаимоотношений взрослых людей превосходит по своему богатству, например, соответствующие описания в Камасутре. Но существует принципиальная разница: Камасутра не была предметом всеобщего обозрения. В культуре всегда было нечто сокрытое или доступное лишь в какой-то момент, в каком-то возрасте и т. д. Это придавало системе устойчивость и определяло предсказуемость ее развития. Иначе говоря, дихотомия «прикровенность – откровенность» была базовой категорией, воспитывавшей человека.

Здесь тоже не обошлось без абсолютизации, когда часть общества «закрывала» себя от других, возводя искусственные барьеры непонимания или конструируя систему языковых запретов. Приведу смешной фрагмент по этому поводу из любимого Н. В. Гоголя, который как никто проник в русскую душу и в гротескной форме описал ее, зафиксировав внутрикультурную оппозицию между обыденностью, бытом, простотой поведения, отраженного в языке нормального человека, и его семантическим инвариантом, якобы отражающим существование человека в высокой культуре. «Дамы города N. были то, что называют презентабельны. <...> Никогда не говорили они: „я высморкалась“, „я вспотела“, „я плюнула“,

а говорили: „я облегчила себе нос“, „я обошлась посредством платка“. Ни в каком случае нельзя было сказать: „этот стакан или эта тарелка воняет“. И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо того: „этот стакан нехорошо ведет себя“»¹.

Однако сегодня дихотомия «прикровенность–откровенность» разрушается. Сексуальная революция выводит традиционно прикрытые взаимоотношения между людьми и переживания этих взаимоотношений в культурных образах за рамки индивидуальной интимности. Процесс «эротизации культуры» рассматривается как реализация высшей степени свободы. Если ранее понятие интимности семантически означало сокрытие отношений между людьми, то сегодня оно сопряжено с фактом публичного раскрытия запретного.

Ю. М. Лотман оценивал сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX столетия². Он пишет: «Эпохи, в которые секс делается объектом обостренного внимания культуры, — время его упадка, а не расцвета... Попытки возратить в физиологическую практику все те процессы, которые культура производит в первую очередь со словом, делают не культуру метафорой секса, как утверждает Фрейд, а секс — метафорой культуры. Для этого от секса требуется лишь одно — перестать быть сексом»³.

Еще одной важнейшей дихотомией в культуре выступает **дихотомия «свой – чужой»**, которая фиксирует замкнутость и самодостаточность локальной культуры, часто проявлявшиеся в ее противопоставлении (иногда весьма жестком) иным культурам. **Каждая культура вырабатывала в себе мощнейший каркас, некий «иммунитет» к «чужому». В результате был создан своеобразный культурный фильтр, блокирующий прямое проникновение нежелательного в собственную культуру.**

Благодаря новейшим коммуникационным технологиям и более открытому общению культур такого рода фильтрация значительно ослабляется, что стимулируется и современными процессами мас-

¹ Гоголь Н. Мертвые души // Гоголь Н. Повести. Пьесы. Мертвые души. М., 1975. С. 439.

² См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 8.

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 255–256.

совой миграции. **Признание равноправности культур через их постепенную адаптацию сменяется «взрывным» проникновением в базовую культуру систем ценностей, которые слабо адаптируются к ней.** Следует различать индивидуальную миграцию, когда человек вливается в другую культуру и осваивает ее, вовсе не обязательно порывая с собственной культурой, и массовую миграцию, которая в последние годы охватила весь мир, прежде всего Европу. Огромные потоки людей не интегрируются в культуру места своего прибытия, а просто переносят собственную культуру на новую почву, не считаясь с традициями той культуры, которая их приняла. Как ни странно, современные средства коммуникации этому способствуют. Если раньше человек, приехав в другую страну, был вынужден учить язык, то сегодня скайп, социальные сети, иные средства коммуникации позволяют ему, уехав в другую страну, не погружаться в новую культуру, в которой он оказался, а оставаться в собственной: от общения с друзьями до просмотра телеканалов на своем языке.

По сути, в иной стране создаются островки собственной культуры, перенесенной на иную почву, которые могут даже противоречить определенным правовым нормам и принципам. Это приводит к серьезным последствиям. В прошлом году Германия приняла 1,5 млн мигрантов. Для примера: население крупного города Дрездена — меньше 500 тыс. человек. Мигранты — как правило, молодые люди, юноши, которые вроде бы уезжают из-за плохих условий, но потом едут отдыхать к себе на социальное пособие, которое получают в Германии. Эти серьезные проблемы тоже связаны с глобализацией и трансформацией культуры.

В результате **искажается понимание принципа толерантности, когда терпимость становится не средством взаимной адаптации культур друг к другу, а лишь регламентирующим правовым механизмом признания.** Однако толерантность — это всегда некая зона пределов терпимости, за пределами которой она может разрушиться. И это справедливо не только для биологии, но и для организмических систем в целом, к которой Лотман относил и понятие семиосферы, рассматривая ее как своеобразный организм. Следовательно, мы можем говорить о диапазоне толерантности и в культуре. Более того, здесь он приобретает многоуровневый

характер (от индивида до некой социальной группы или государства), в отличие от биологического мира, толерантность реализуется на уровне физиологического приспособления и, кроме того, становится фактором социально-психологического индивидуального переживания. В результате терпимость перестает быть средством взаимной адаптации. Сама по себе терпимость важна, мы должны уметь терпеть другого человека. Важно понимать, что человек может быть другим: иначе одеваться, говорить, есть другую пищу и пр. Но при этом и он должен нас понимать.

Однако, понимая его, мы вовсе не должны все делать так же, как он. Поэтому вместо адаптации сегодня работает правовой механизм признания, независимо от того, устраивает это общество или индивида или нет. Но ведь терпимость в условиях взаимного непонимания может быть весьма некомфортным состоянием для обеих сторон этого процесса — как для того, кто терпит, так и для того, кого терпят. Как отмечал Гёте, «толерантность должна быть всего лишь временным убеждением: за ней должно следовать признание. Терпеть — значит оскорблять»¹. Терпят до тех пор, пока полностью не отвергают или полностью не признают, поэтому **толерантность как социальный принцип должна завершаться признанием другого в качестве равноправного себе. А это возможно лишь в результате диалога. Абсолютизированная толерантность — это безразличие.**

Приведу пример из Интернета. По Москве едет шикарная машина, в которой сидит богатый человек. Рядом с машиной по тротуару идет девочка, и тот, кто сидит в машине, угощает ее конфетами. В какой-то момент девочка садится в машину, дверь закрывается, и машина собирается уехать. Но ей преграждает путь джип, из которого выходит человек, похожий на того, кого мы когда-то называли новыми русскими. Он подходит к машине и спрашивает у девочки: «Зачем ты сюда села? Как тебя зовут?» Выяснилось, что в машине находится ее папа, и все закончилось хорошо. Потом папа вышел из машины и пожал руку новому русскому. Боюсь, что если бы это происходило сегодня в Европе, то, исходя из ложно трактуемого принципа толерантности, вряд ли кто-либо стал бы интересоваться

¹ *Goethe J. W. Maximen und Reflexionen // Goethes Werke : in 12 Bd. Bd. 7. Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1974. S. 473.*

ся поведением девочки, ибо внешне ничего криминального здесь не было. Конечно, излишнее вмешательство может быть неприятным, но и невмешательство может быть опасным.

Еще один аспект описываемых трансформаций связан с разрушением принципа завершенности произведений в классической культуре, который, как мы отмечали, касался всего — от архитектурной завершенности до завершенности литературного текста или музыкального произведения. Связано это с тем, что в основе этой модели культуры лежал принцип линейности интерпретации мира, который был связан еще с возникновением письменности и который, как мы показали, стал одним из базовых принципов классической культуры.

Литературный текст выступает как эталон текста вообще, некий завершенный смысл. Письменность закодировала живую культуру (или ее часть), живую коммуникацию, которую можно понять, лишь зная эти коды (алфавит и грамматику). Неграмотный человек оказывается вне культуры, а поэтому и изначальным признаком культурности выступает грамотность. **Принцип завершенности подвергается разрушению. Целостное восприятие мира дефрагментируется, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности.** Это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации и имитации. Мы отучаемся воспринимать завершенность, для нас комфортнее выхватывать из окружающего мира обрывки впечатлений, которыми мы активно обмениваемся в тех же социальных сетях. Все ли из вас дочитывают книгу и дослушивают музыку до конца? Я имею в виду не отдельные песни, а достаточно крупные произведения, на которые, например, нужно потратить час (я не говорю про Вагнера, на прослушивание которого можно потратить и 6, и 12 часов). У нас сегодня на это, как мы признаемся, не хватает времени.

Письменность уже при возникновении была сопряжена с грамотностью, то есть требовала освоения алфавита, умения читать и писать. Неграмотный человек оказывался вне культуры. Если вы неграмотны, то не можете читать, если не можете читать, значит,

не можете накопить знания. Поэтому справедливо говорят, что надо много читать (это признак классической культуры), но при этом следует понимать: того, что вы не прочитали, всегда будет больше.

В результате **целостное восприятие мира разрушается, уступая место клиповому сознанию**. Клип строится с учетом ваших пожеланий, поэтому в современных фильмах, например, уже заранее выделено время для рекламы. Если по телевизору показывают старый фильм, то сразу видно, как неудачно в него вторгается реклама. А в современных фильмах этого нет, режиссеры заранее планируют, где будет реклама. Причем сегодня немногие зрители (даже дома) выдержат просмотр длинного фильма, потому что захотят сходить в туалет, взять что-нибудь из холодильника и пр. То есть принцип завершенности нарушается. Клиповость, дефрагментированность сознания доминируют. Люди требуют массовости и зрелищ. Если в 56-й серии какого-нибудь сериала погибла героиня, то зрители пишут протестные письма, и режиссер вынужден снимать продолжение фильма.

Разность языков, требующая понимания иного, постепенно подменяется господством одного языка. **Деформируются семиотические условия диалога. Коммуникация из состояния некоего фона, фиксирующего события, превращается в стержень современной культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации**, а значит, безусловно, оказывая влияние на механизмы смыслообразования. Например, событием в современном мире может выступать не реальный факт, а его медийная конструкция даже в отсутствие реального факта. Культура начинает функционировать по законам коммуникации. В результате общение происходит ради общения, а не ради того, чтобы разобраться в чем-либо. Благодаря техническим средствам реальное общение затрудняется, нам гораздо проще ответить в смартфоне, потому что это ни к чему не обязывает. Мне, например, как декану факультета, было бы гораздо проще увольнять людей и отчислять студентов по телефону. Люди становятся придатком техники. **Не смартфон — наше периферийное устройство, а мы становимся периферийным устройством смартфона**. И эта тенденция будет только нарастать. Смартфон сегодня показывает, сколько вы сделали шагов, и через

некоторое время он сможет ударить вас током, если вы не прошли нужное расстояние, сказать вам, выпались вы или нет, и пр. В результате перечисленных трансформаций расширяется псевдокультурное поле общения, диалог в котором строится по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур, то есть наименее содержательной, если можно так сказать, наименее культурной части культуры. Это становится общением ради общения. Общение без насыщения смыслами по заданным стереотипам коммуникации.

Электронная культура порождает и целый ряд коммуникативно-психологических проблем. Главная из них — возникшая уже сейчас проблема адаптации человека к значительно возрастающему количеству информации и изменению ее качества.

Увеличивается доля визуализации информации. На уровне образов она более доступна и оставляет более сильное впечатление в сознании. **Визуальная информация создает большую видимость объективности**, чем понятийная, и на уровне обыденного сознания не всегда можно представить, что те фрагменты, которые выглядят на экране как единственно истинные, столь же легко подобрать и скомпоновать как текст. Например, вы смотрите новость, и вам показывают на экране, что в некий город въезжают танки. Вы воспринимаете это как факт. Мы можем задуматься, были ли танки, был ли город, не показали ли нам кадры десятилетней давности, не сконструировано ли это? Но обычный человек этот образ сразу воспринимает как реальность. Поэтому на уровне обыденного сознания сложно подобрать и скомпоновать тексты так же, как фрагменты, которые выглядят на экране как подлинные. В Интернете, например, получили распространение фейковые новости, когда информация десятилетней давности преподносится как недавняя. Так, утверждается, что на факультет журналистики в Московский университет поступают неграмотные абитуриенты с низкими баллами ЕГЭ. Этому фейку уже почти десять лет, но каждый год, когда идет приемная кампания, он извлекается наружу.

Аудиовизуальные средства могут оказывать буквально гипнотическое воздействие на сознание (особенно детей и подростков), так как влияют на «низшие» уровни человеческой психики, не требуют аналитической работы разума. В этом плане они как бы возвращают

человека в дописьменный, устный период своего развития. Смыслы возникают в результате прямого восприятия, который может достаточно далеко отстоять от сознательной рациональной деятельности. В свое время Максим Горький высказался довольно резко, что нельзя ставить произведения Достоевского на сцене. На него обрушились нападки: «Горький — ретроград, не любит Достоевского». Дело в том, что когда вы читаете произведение, у вас создается образ, который описывает автор. А у Достоевского все образы размытые. Соответственно, когда Достоевского ставят на сцене (а Горький писал именно об этом), возникает еще одно звено — режиссер, который может все переиграть. Злого героя играет великолепный актер, а хорошего героя — так себе. И зрители будут переживать за злого героя.

Электронная культура делает жизнь человека более комфортной (пластиковые карты, чипы и пр.). А человек никогда не отказывается от комфорта, даже если комфорт угрожает некоторым ее сторонам. Мы настолько привязываемся к техническим средствам, что уже не можем ехать на машине без навигатора, чувствуем дискомфорт, если вдруг забыли дома телефон, хотя можем прожить без него день. И в результате мы теряем, может быть, самое главное — свободное время, заполняемое бесконечным информационным потоком, из которого мы уже не в силах что-либо отобрать. А этот поток не является объективной информацией, его выбирают за нас поисковые системы, подготовленные новостные ленты, и в результате мы становимся объектами безграничной манипуляции. Когда в Германии вводили банковские карты, люди протестовали, потому что считали, что с их помощью за ними будут следить. Сегодня мы привыкли к ним, банковские карты удобны. Говорят, что смартфон даже в выключенном состоянии следит за нами, но мы и к этому привыкли. В Германии знакомый полицейский сказал мне: «Сейчас стало удобно следить за ворами, потому что у них у всех есть мобильные телефоны, мы всегда знаем, где они находятся». Так незаметно меняется мир. Например, в 1998 году в Перпиньяне, где мы отдыхали с детьми, отказались принимать пластиковые карты российского производства. Вы не представляете, что творилось: люди оказались в тупике. Только они себя почувствовали зажиточным средним классом — и вдруг ни одна пластиковая карта не срабо-

тала, а наличных денег нет. Вроде бы банковская карточка — это удобно, но в любой момент она может быть заблокирована. Однако это комфортно, поэтому мы от этого не откажемся.

В электронной культуре **изменяется роль экспертизы и роль эксперта**. Электронная культура предоставляет безграничные возможности поиска в почти бесконечном массиве информации. Соответственно, очень часто экспертиза сводится к поиску подтверждающей информации. Человек как бы выступает в качестве «пользователя» всех знаний, которые накопило человечество, что приводит к изменению традиционных эпистемологических представлений о характере и источнике знаний.

«Свободный» доступ к информации влияет на изменение характера взаимоотношений людей разных поколений. В традиционной культуре более взрослый человек выступал как обладатель большого объема информации. Сегодня молодой человек имеет доступ к информации без посредника. Более того, как правило, он быстрее осваивает новые технологии, поэтому лучше использует новые возможности. Это влияет на характер образовательного процесса. В электронной культуре мир информации становится полностью доступным, и функция преподавателя не может быть сведена к роли ретранслятора информации. Поэтому если раньше преподаватель выступал прежде всего как носитель информации, то сегодня ситуация кардинальным образом изменилась: студенты могут переработать больше информации. Другой вопрос — качество информации, насколько студент научен разбираться в ней. Сегодня функция преподавателя как носителя информации меняется. Этого, кстати, преподаватели иногда не понимают. Обостряется оппозиция отцов и детей.

Электронная культура значительно влияет на само мышление. Мы погружаемся в электронные игры, и качество этих игр возрастает. Я помню, как, будучи молодым, наигрался в Интернете, вышел из дома, и когда летел вертолет, у меня рука потянулась к карману, чтобы подбить его. Игру можно переиграть, выключить компьютер, перезагрузить, когда появляется опасность, вы ее уничтожаете. Если вы много играете, фактор уничтожения является доминирующим, вы начинаете думать задним числом. Человеку подсознательно начинает казаться, что и в реальной жизни все можно перезагрузить

или переиграть заново, но это не так. А ведь это меняет характер принятия решений. Доминирует ситуация, что человек сначала осуществляет действие, а потом задумывается, то ли он сделал. **Закрепляется алгоритмическое мышление, когда человек просто ищет алгоритм действия, не вдумываясь, для чего он осуществляет его, и сам характер этих действий непрерывно упрощается.** Это ведет к утрате понимания диалектичности и противоречивости окружающего мира.

Философия — это самосознание культуры, отражающее конкретно-историческую стадию развития общества. Ее содержание не может не зависеть от новых условий, связанных с господством массовой культуры. Возникают популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием. Далее, как это часто бывает в культуре, происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание»), и превращенные образы становятся предметом «серьезного» профессионального философского интереса в виде, например, философии Симпсонов или доктора Хауса.

Грань между реально философским содержанием и его имитацией исчезает. Не знаю, насколько необходимо обсуждать, например, проблему такого «культурного феномена», как «дерьмо» или «пуканье», представляющего собой «некий звук, который всегда что-то означает в социальных ситуациях», и глубокомысленный вывод автора, что «семантика пуканья представляет собой весьма сложную проблему»¹.

Постмодернизм породил соответствующие имитирующие формы философии, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и, кстати говоря, к завершённому тексту как выражению классической культуры. Однако за свободой мышления могут стоять банальность и упрощения, которые доминируют в современной культуре. В этих условиях философские размышления по поводу развития культуры представляются важными как никогда. Необходимо искать новые смыслы в понимании культуры, которая не стоит на месте. Одна из основных задач философии — выполнение функции предупреждения. Предупреждение о тех тенденциях, которые сопровождают

¹ *Слотердайт П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 181.

развитие научно-технического прогресса и несут не только положительные, но и отрицательные последствия для человека и общества в целом.

Вопросы и ответы

Е. Б. КОСТЮК, заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, кандидат педагогических наук, доцент: — *Владимир Васильевич, спасибо за интересную лекцию и замечательный термин «культурное инфицирование». Если продолжать рассуждать в этой парадигме, то какие сейчас существуют формы культурного иммунитета, актуальные для противостояния инфицированию?*

— Иммунитет один — хорошее образование, в том числе гуманитарное, которое позволяет человеку погрузиться в свою культуру, основанную на собственной системе ценностей, и знать другие культуры, а значит, уметь адекватно их сравнивать. А это фактор интеллектуального самообогащения, позволяющий человеку совершенствоваться как гармоничной личности. Как это ни парадоксально прозвучит, культура требует насилия при ее освоении. Я учился в советское время в обычной школе, и нас каждую неделю водили в Малый, Большой театры, тогда билеты стоили дешево, а нам хотелось играть в футбол. И только потом мы поняли, что если бы этого не было, мы никогда не посмотрели бы такое количество спектаклей. Так, музыканту, который учится, осваивает гаммы, тоже не нравится заниматься музыкой и хочется поиграть в футбол, но потом, когда он их освоит, он станет свободным. Так и человек, который освоит (иногда даже насильственно) культуру, тоже становится свободным и образованным.

Алексей СТАНИСЛАВСКИЙ, II курс, факультет искусств: — *Мой вопрос касается системного образования. Владимир Васильевич, приобщать к культуре, искусству нужно системно, и не в школах, а в семье, чтобы сохранялась исключительность и ценность этих знаний. Если мы будем показывать спектакли, давать книги и продвигать прочее высокое искусство в массы в системе,*

то пропадет понятие условности. На мой взгляд, если все знают одну и ту же информацию, то она утрачивает свою ценность.

— В вашем утверждении я с чем-то готов согласиться, а с чем-то нет. Если пойти по предлагаемому вами пути, то огромное количество семей окажутся оторванными от культуры, причем навсегда. Если эту систему развивать, то мы получим людей, которые приобщены к высокой культуре и все знают, и огромное количество людей, которые никогда не приобщат своих детей к культуре. В идеале все семьи должны быть обеспеченными. Но это не так, а билеты в Большой театр стоят дорого. Поэтому роль государства здесь колоссальна.

Например, раньше не существовало проблемы посещения Большого театра, потому что для школьников были специальные билеты (это не ностальгия по советскому времени, там было много и плохого). Я рос в бедной семье, мы жили в бараке, моя мама работала на двух работах и получала 60 рублей в месяц. В принципе я мог пойти по жизни совсем в другом направлении, и примеров вокруг было достаточно. Но была именно государственная система образования, включающая большой блок внеучебной работы, связанной с освоением культуры, в том числе с возможностью посещения театров, спектаклей и пр. Поэтому идея приобщения к культуре в семье хороша, но она не отрицает и роли государства, в том числе для выравнивая социальных возможностей.

Полина РЕТКОКАША, II курс, факультет культуры: — *Владимир Васильевич, можно ли вернуться к диалогу в рамках культуры и какие должны быть созданы условия для этого?*

— Прежде всего мы говорили о диалоге как механизме, диалоге внутри культуры и для других культур. Диалог сегодня пока не разрушен, и он будет продолжаться. Я рассказал о разных тенденциях, чтобы предупредить, что может быть. Но на самом деле не надо переживать по поводу очередной гибели культуры. Каждые сто лет культура «гибнет», как правило, в начале столетия появляется серия работ об этом. Но культура находит механизмы сохранения, ибо ее создают сами люди и общество. Сам факт, что мы сегодня об этом

говорим, дает надежду на то, что в будущее можно смотреть с оптимизмом. Диалог пока реализуется. Мы с вами, например, сейчас ведем такой диалог.

Софья БУКОВА, IV курс, факультет искусств: — Сейчас с помощью Интернета мы пользуемся порталами дополнительного образования, лекториями и разными электронными библиотеками, многие из нас ищут информацию в Интернете. Владимир Васильевич, не считаете ли Вы, что формат гуманитарной лекции в университете устарел? И чем ее можно заменить?

— Категорически с этим не согласен. Дополнительные формы образования в виде онлайн-образования имеют право на существование. Например, я не успеваю на лекции рассказать о Лотмане, поэтому советую посмотреть беседу Лотмана в Интернете. Это прекрасно, потому что в лекции всего не уместить. Но в онлайн-образовании исчезает главное — глаза студента и диалог. Преподаватель не видит реакции, не знает, что понял студент, а что нет, что ему понравилось. Если воспринимать образование как передачу информации, то онлайн-образование возможно. Но если воспринимать образование одновременно и как воспитание, погружение в культуру, то лекция необходима, более того, ее значение со временем будет возрастать. Другое дело, что для государства и некоторых реформаторов онлайн-образование выгодно, так как можно уменьшить количество лекторов. В дальнейшем — я немного иронизирую — можно вообще назначить, например, одного-двух главных философов, записать их лекции и заставить только их слушать через экраны телевизоров и компьютеров. Да и университеты в этом случае не нужны. Все можно увидеть и услышать в Сети, у всех будут одинаковые знания. Но знания, особенно гуманитарные, всегда носят личностный характер, и одну и ту же лекцию по философии два лектора могут прочитать по-разному, поставить разные акценты. Если мы полностью перейдем на онлайн-образование, личность исчезнет.

Существует и психологический момент. Доказано, что убедительность доводов возрастает, когда вы смотрите в глаза другому человеку. Мы же даже по жизни знаем, что если человек отводит

взгляд, значит, что он обманывает. Поэтому я рассматриваю онлайн-образование только как дополнительное и буду отстаивать эту позицию уже как чиновник.

Эвелина БИТИЕВА, IV курс, факультет искусств: — *Чем локальная культура отличается от субкультуры?*

— Субкультуры присутствуют в культурах. В данном случае, когда мы говорим о локальной культуре, вводится ограничение: мы рассматриваем культуру как систему знаков, семиотическую систему, поэтому локальная культура ограничена своим языком, этносом и т. п. Субкультура тоже вырабатывает свой язык, и в этом смысле она тоже локализуется. Например, если вы попадете в субкультуру, которая вам неизвестна, то ничего не поймете. У меня есть статья, посвященная советским хиппи. В Советском Союзе сленг, который вырабатывался внутри этого движения, фантастическим образом соединял некоторые коммунистические идеи и идеи, которые были присущи классическим хиппи. Например, в этом движении в меньшей степени, чем сегодня, были распространены наркомания, курение, алкоголизм. Возникла особая субкультура, которая сегодня показала бы даже любопытной.

Субкультура может возникнуть везде и даже отличаться по своему языку, поведению, манере одеваться. Например, в советское время мы могли отличить работников обкома и райкома: у них была своя субкультура, они одинаково говорили и вели себя. Думаю, что частично и сегодня может существовать своеобразная номенклатурная субкультура, представителей которой мы легко различаем на экранах телевизоров.

Е. А. КАЙСАРОВ: — Мы завершаем цикл лекций, блестяще прочитанных Владимиром Васильевичем Мироновым. В нашей библиотеке есть его работы, к которым можно обратиться. Мы благодарим Владимира Васильевича за интересные лекции и надеемся на новые встречи.

Научное издание

МИРОНОВ Владимир Васильевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Ответственный редактор *Я. Ф. Афанасьева*
Редактор *Т. А. Источникова, Т. В. Никифорова*
Дизайнер *Р. Р. Кудряшова*
Технический редактор *Л. В. Климкович*
Корректоры: *С. А. Зинченко, Т. А. Кошелева*

Подписано в печать с оригинал-макета 16.01.19
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 3,75. Тираж 500 экз. Заказ № 5

Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

ISBN 978-5-7621-1006-8

9 785762 110068

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СЕРИЮ «ИЗБРАННЫЕ ЛЕКЦИИ УНИВЕРСИТЕТА»

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов сложилась замечательная научно-педагогическая традиция приглашать с лекциями выдающихся современных ученых, лучших представителей творческой интеллигенции, видных государственных и общественных деятелей, успешных специалистов-практиков. Таким образом студенты имеют возможность получать из первых рук новейшие знания, актуальную информацию о последних достижениях в науке, экономике, культуре, искусстве.

Наиболее значимые лекции публикуются в виде отдельных изданий, которые пополняют одну из самых интересных серий издательства СПбГУП — «Избранные лекции Университета».

В ЭТОЙ СЕРИИ ИЗДАНЫ КНИГИ:

- В. И. ЕРЕМЕНКО, прокурор Санкт-Петербурга. «Роль и место прокурорского надзора в становлении правового государства». 1997 г.
- И. В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, академик-секретарь Отделения образования и культуры РАО. «Перспективы развития культуры в проблематике социального прогнозирования». 1997 г.
- А. А. СОБЧАК. «Проблемы российской Конституции». 1998 г.
- Е. И. МАКАРОВ, председатель Совета Федерации независимых профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. «Трудовые отношения и профессиональные союзы». 1998 г.
- И. С. КОН, академик РАО. «Роль и место сексуальной культуры в становлении цивилизованного государства». 1999 г.
- Дж. ЭВАНС, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. «Россия и США: путь сотрудничества и диалога». 1999 г.
- О. МОВИССО, Генеральный консул Франции в Санкт-Петербурге. «Традиции дружбы и партнерства». 1998 г.
- Н. Н. СКАТОВ, директор Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). «Тип нормального гения». 1998 г.
- Князь Н. Р. РОМАНОВ. «Новая Россия глазами Дома Романовых». 1998 г.
- Д. БОДЕН, Генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге. «Сотрудничество как источник взаимообогащения». 1998 г.
- Дж. У. ГАЙ, Генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге. «Россия и Великобритания: новая эпоха сотрудничества». 1999 г.
- «Россия на рубеже веков». Сборник: А. А. Зиновьев. «Возродим великую Россию»; Г. Я. Бакланов. «Нужен великий духовный порыв»; В. С. Степин. «Философия и универсалии культуры»; В. Б. Исаков. «Горькие уроки светлого будущего»; И. И. Сыдурок. «Правозащитные функции прокуратуры»; С. П. Капица. «Современный демографический взрыв: взгляд историка и математика»; Г. В. Старовойтова. «Демократия и свобода слова в России в период кризиса»; И. Ю. Артемьев. «Мы стали гораздо более открытыми»; О. А. Харченко. «Импровизация на тему города». 1999 г.
- В. В. КРАЕВСКИЙ, академик РАО. «Методология научного исследования». 2001 г.

• А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, член-корреспондент РАН. **«Из истории рок-музыки: творчество “Битлз”»**. 2002 г.; 2004 г. (2-е изд.); 2013 г. (3-е изд.).

• Я. А. ГОРДИН, писатель. **«Историсофия России: некоторые актуальные проблемы истории Нового времени»**. 2002 г.

• **«Актуальные проблемы становления правового государства»**. Сборник лекций: В. В. Лазарев, В. Н. Лопатин, Т. Г. Морщакова, В. М. Сырых. 2003 г.

• Р. Е. ПЕТРЕНКО, генеральный директор канала «ТНТ-телесеть». **«Новая концепция канала “ТНТ-телесеть”»**. 2003 г.

• **«Актуальные проблемы гуманитарных наук»**. Сборник лекций: Ю. В. Яковец, Ж. Т. Тошенко, В. И. Зацепин, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, В. Г. Иванов, Н. Н. Казанский, В. Г. Костомаров, А. Н. Тихонов. 2003 г.

• А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Из истории молодежной культуры: возникновение и развитие дискотек»**. 2003 г.; 2004 г. (2-е изд.).

• И. С. КОН, академик РАО. **«Сексуальность и культура»**. 2004 г.

• А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Отцы и дети: проблемы взаимоотношений»**. 2004 г.

• П. Г. ШЕРЕМЕТ, комментатор «Первого канала» российского телевидения. **«Журналистика: введение в профессию»**. 2004 г.

• Н. Д. НИКАНДРОВ, президент Российской академии образования. **«Перспективы развития образования в России»**. 2005 г.

• М. Н. ХЬЮЗ, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. **«США и Россия — построение прочных взаимоотношений»**. 2005 г.

• Д. С. ЛЬВОВ, академик РАН. **«Новая экономика России»**. 2005 г.

• А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Отцы и дети. Конфликт поколений. Социализация. Молодежная субкультура»**. 2005 г.; 2006 г. (2-е изд., доп.).

• Дж. ЭДГАР, Генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге. **«Великобритания в современном мире»**. 2006 г.

• А. Б. КУДЕЛИН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН. **«Средневековая арабская поэтика: вопросы современных исследований»**. 2006 г.

• С. К. ШОЙГУ, министр Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. **«Наш ресурс — профессионализм и дружба»**. 2006 г.

• В. А. ЯДОВ, социолог. **«Проблемы российских трансформаций»**. 2006 г.

• **«Современность классики»**. Сборник лекций по истории русской литературы: Н. Н. Скатов, А. Б. Куделин, М. И. Щербакова, А. М. Панченко, Ю. В. Зобнин. 2006 г.

• Н. А. ПЛАТЭ, вице-президент Российской академии наук. **«Альтернативные источники органического топлива»**. 2006 г.

• Э. А. РЯЗАНОВ, кинорежиссер. **«Искусство и жизнь»**. 2006 г.

• А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия»**. 2006 г.

• И. Р. МАРАЗОВ, заведующий кафедрой культурологии Нового Болгарского университета. **«Иконография древней Фракии»**. 2006 г.

• Ф. Г. РУТБЕРГ, директор Института проблем электрофизики РАН, академик РАН. **«Чистая энергетика»**. 2007 г.

• Э. ХУКС, Генеральный консул Королевства Нидерланды. **«Взаимоотношения Королевства Нидерланды и России: перспективы сотрудничества»**. 2007 г.

• Х. БОННЕНБЕРГ, немецкий общественный деятель. **«Немецкая трансформация на Востоке. Германия: успехи и проблемы»**. 2007 г.

• Б. БРАУН, Генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге. **«Германо-российские отношения в сфере политики»**. 2007 г.

- М. КРЮГЕР, Генеральный консул Соединенных Штатов Америки в Санкт-Петербурге. **«Россия и США: 200 лет дипломатических отношений»**. 2007 г.
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ, академик РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии». **«Философия в контексте культуры»**. 2007 г.
- А. А. ГУСЕЙНОВ, директор Института философии РАН, академик РАН. **«Негативная этика»**. 2007 г.
- А. А. ЛИХАНОВ, писатель, председатель правления Российского детского фонда. **«Предетство»**. 2007 г.
- Князь Д. М. ШАХОВСКОЙ. **«Размышления о русском самосознании»**. 2008 г.
- В. Л. ЯНИН, академик РАН. **«Археология древнего Новгорода»**. 2008 г.
- В. К. МАМОНТОВ, главный редактор газеты «Известия». **«Как сделать газету такой, чтобы ее читали»**. 2008 г.
- Г. М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы. **«Разделение властей и право на судебную защиту в Российской Федерации»**. 2008 г.
- В. Н. ИГНАТЕНКО, генеральный директор ИТАР-ТАСС. **«Нам нужны молодые профессионалы»**. 2008 г.
- Дж. ХАРМАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирландской Республики в РФ. **«О современной Ирландии и культурных связях Ирландии и России»**. 2008 г.
- У. ЭЛЛИОТТ, Генеральный консул Великобритании в Санкт-Петербурге. **«Меняющаяся экономика — меняющееся общество»**. 2008 г.
- Н. Д. НИКАНДРОВ, президент Российской академии образования. **«Средства массовой информации и социализация молодежи»**. 2008 г.
- В. М. МЕЖУЕВ, главный научный сотрудник Института философии РАН. **«Современное знание о культуре»**. 2008 г.
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, академик РАН. **«Демографическая политика страны и здоровье нации»**. 2008 г.
- Г. Х. ПОПОВ, президент Международного союза экономистов. **«Народно-демократический вариант выхода из социализма»**. 2008 г.
- Ю. А. РЫЖОВ, академик РАН. **«Реструктуризация экономики»**. 2008 г.
- Н. А. СИМОНИЯ, академик РАН. **«Россия и Европейский союз: сотрудничество или соперничество»**. 2008 г.
- В. Г. ЛОШАК, главный редактор журнала «Огонек». **«Свобода слова и ответственность слова»**. 2008 г.
- Ж. Т. ТОЩЕНКО, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». **«Новые явления в общественном сознании и социальной практике»**. 2008 г.
- А. А. КОКОШИН, депутат Государственной Думы РФ, академик РАН. **«Формирование политики «асимметричного ответа» на СОИ: опыт междисциплинарного взаимодействия»**. 2008 г.
- Л. И. АБАЛКИН, академик РАН. **«Теория исторического синтеза и будущее России»**. 2008 г.
- С. С. ГОВОРУХИН, кинорежиссер. **«Биография художника — его фильм»**. 2009 г.
- В. И. МОЛОДИН, академик РАН. **«Археологические исследования на плоскогорье Уюк (Горный Алтай, Россия)»**. 2009 г.
- А. А. GERMAN, кинорежиссер. **«Кино — бескомпромиссное искусство»**. 2009 г.
- Е. М. ПРИМАКОВ, академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. **«Россия в современном мире»**. 2009 г.
- А. В. СМИРНОВ, заместитель директора Института философии РАН. **«О подходе к сравнительному изучению культур»**. 2009 г.
- А. Н. САХАРОВ, директор Института российской истории РАН. **«Россия как часть мирового цивилизационного процесса»**. 2009 г.

- Г. М. РЕЗНИК, президент Адвокатской палаты г. Москвы. **«Свобода прессы и защита репутации: как примирить интересы сторон?»**, 2009 г.
- Г. А. ГАДЖИЕВ, судья Конституционного Суда РФ. **«Конституционные принципы и конституционная политика в Российской Федерации»**, 2009 г.
- Р. ГЕРРА, профессор Университета г. Ницца. **«Младшее поколение писателей русского зарубежья»**, 2009 г.
- В. Л. МАКАРОВ, директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН. **«Искусственные общества и будущее общественных наук»**, 2009 г.
- О. Т. БОГОМОЛОВ, академик РАН. **«Глобализация и уроки экономического кризиса»**, 2009 г.
- Д. Л. БЫКОВ, писатель. **«Стихи и проза»**, 2009 г.
- В. Е. ЧУРОВ, председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. **«Демократия и культура: проблемы взаимодействия избирательных систем и национальных культур»**, 2010 г.
- Ш. ГУОЛТНИ, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. **«История российско-американских дипломатических отношений»**, 2010 г.
- В. А. ТИШКОВ, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН. **«Национальная идентичность и духовно-культурные ценности российского народа»**, 2010 г.
- М. П. КИРПИЧНИКОВ, академик РАН, председатель Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. **«Науки о жизни: вызовы XXI века»**, 2010 г.
- О. М. ВИНОГРАДОВ, балетмейстер, народный артист СССР. **«Моя система балетного образования (Вашингтонская балетная академия)»**, 2010 г.
- Г. В. ОСИПОВ, академик РАН, директор Института социально-политических исследований РАН. **«Возрождение социологии в России: как это было на самом деле»**, 2010 г.
- М. Е. ШВЫДКОЙ, специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству. **«Россия в мировом пространстве межкультурного диалога»**, 2010 г.
- В. Л. КВИНТ, иностранный член РАН. **«Бизнес и стратегическое управление»**, 2010 г.
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, академик РАО. **«Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае — сентябре 2010 года»**, 2010 г.
- В. И. ЖУКОВ, академик РАН, ректор Российского государственного социального университета. **«Россия в глобальном мире: экономика и социология глобальных процессов»**, 2010 г.
- М. А. ФЕДОТОВ, советник Президента РФ, председатель Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. **«Российское законодательство о СМИ: формирование, развитие, деградация»**, 2010 г.
- С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, академик РАН, директор Института новой экономики. **«Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса»**, 2011 г.
- Д. И. ФЕЛЬДШТЕЙН, вице-президент РАО. **«Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования»**, 2011 г.
- Г. А. ЗОГАНОВ, руководитель фракции КПРФ в ГД РФ. **«Современная Россия: проблемы и пути развития»**, 2011 г.
- В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ. **«Современные проблемы российской журналистики»**, 2011 г.
- В. В. МИРОНОВ, декан философского факультета МГУ. **«Современные трансформации культуры»**, 2011 г.
- А. Г. АГАНБЕГЯН, академик РАН, заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. **«Модернизация общественного производства в России»**, 2011 г.
- А. В. ДМИТРИЕВ, руководитель Центра конфликтологии РАН. **«Социальный конфликт»**, 2011 г.
- В. В. НАУМКИН, директор Института востоковедения РАН. **«Этнополитические конфликты в современном мире»**, 2011 г.
- А. О. ЧУБАРЬЯН, академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН. **«История и истории в современном обществе»**, 2011 г.

- А. И. ДЕНИСОВ, первый заместитель министра иностранных дел РФ. **«Конфликты в современном мире и действия российской дипломатии по их урегулированию»**. 2011 г.
- А. М. ЛЮБИМОВ, первый заместитель генерального директора телеканала «Россия». **«Проблемы трансформации телевизионного вещания в России»**. 2011 г.
- К. К. ВАЛЬДУХ, член-корреспондент РАН. **«Распространенные течения экономической мысли: статистическая проверка»**. 2011 г.
- М. И. КЛЕАНДРОВ, судья Конституционного Суда РФ. **«Современные проблемы судебной реформы в Российской Федерации»**. 2011 г.
- Д. Л. БЫКОВ, писатель. **«Я так думаю»**. 2011 г.
- Т.-С. ЦАНГ, министр внутренней политики Гонконга (секретарь Министерства внутренних дел Гонконгского специального административного региона КНР). **«Культурная интеграция восточного и западного Гонконга»**. 2011 г.
- А. Б. КУДЕЛИН, академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. **«Литературные взаимосвязи Запада и Востока в XIX веке и формирование концепции “Мировая литература”»**. 2011 г.
- А. С. КОНЧАЛОВСКИЙ, народный артист России, режиссер. **«Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс»**. 2012 г.
- С. С. НЕРЕТИНА, главный научный сотрудник Института философии РАН. **«Произведение — текст — произведение»**. 2012 г.
- А. А. ВЕНЕДИКТОВ, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». **«Журналистика и мое время»**. 2012 г.
- П. Н. ГУСЕВ, главный редактор газеты «Московский комсомолец». **«СМИ: настоящее и будущее. Сохранит ли свое лицо современная журналистика»**. 2012 г.
- М. К. ГОРШКОВ, академик РАН, директор Института социологии РАН. **«Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики»**. 2013 г.
- М. Л. ТИТАРЕНКО, академик РАН, директор Института Дальнего Востока РАН. **«Китай и Россия в современном мире»**. 2013 г.
- В. С. СТЕПИН, академик РАН, руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, профессор. **«Человеческое познание и культура»**. 2013 г.
- Ю. С. ВАСИЛЬЕВ, академик РАН, президент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. **«Гидроэнергетика России сегодня»**. 2013 г.
- Г. ВОРД, Генеральный консул Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Санкт-Петербурге. **«Великобритания — Россия — Китай. Три модели развития»**. 2013 г.
- Б. ТЁРNER, Генеральный консул США в Санкт-Петербурге. **«Язык, коммуникация и дипломатия»**. 2013 г.
- Н. П. ШМЕЛЕВ, академик РАН, директор Института Европы РАН. **«Россия: угрозы и возможности ближайших десятилетий»**. 2013 г.
- Р. ЛЬЮИС, профессор. **«Кросскультурные коммуникации в современном мире: проблемы теории и практики»**. 2013 г.
- Е. ВЯТР, ученый и общественный деятель. **«Польша и Россия в свете истории и современности»**. 2013 г.
- Б. ДЕГАРДЕН, заместитель генерального директора банка Baring Brothers Sturdza (Женева, Швейцария). **«Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития»**. 2013 г.
- А. И. АЛЕКСАНДРОВ, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества. **«Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации»**. 2014 г.
- ЛИ ЁНСУ, Генеральный консул Республики Корея в Санкт-Петербурге **«Культурный диалог: Корея и Россия вчера, сегодня, завтра»**. 2014 г.

• А. А. АКАЕВ, иностранный член Российской академии наук, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ, Президент Кыргызской Республики (1990–2005). **«Тенденции развития современной экономики»**. 2014 г.

• Х. А. МАРК, Посол Испании в России (2008–2011). **«Ключевые стратегические вопросы в глобальном мире»**. 2014 г.

• М. А. МОРАТИНОС, выдающийся испанский политик и дипломат, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП. **«Кризис на Ближнем Востоке»**. 2014 г.

• М. С. ГУСМАН, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», профессор. **«Информационные вызовы современного мира»**. 2014 г.

• К. Б. МОЙНИХЕН, государственный и общественный деятель Великобритании, известный спортсмен, серебряный призер летних Олимпийских игр 1980 года в Москве, лорд. **«Международная политика и современное олимпийское движение от Москвы до Лондона (1980–2012)»**. 2014 г.

• В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы РФ, Почетный доктор СПбГУП. **«История реформирования Российской академии наук»**. 2014 г.; 2015 г. (2-е изд.).

• Е. Б. АЛЕКСАНДРОВ, академик РАН, председатель Комиссии Российской академии наук по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. **«Лженаука в XXI веке»**. 2014 г.

• Р. И. НИГМАТУЛИН, академик РАН, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова. **«Четыре “э” современности: экономика, экология, энергетика, этнос»**. 2015 г.

• Д. КЛАФТЕР, президент Тель-Авивского университета, профессор. **«Роль науки и высшего образования в современном мире»**. 2015 г.

• М. А. МОРАТИНОС, выдающийся испанский политик и дипломат, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП. **«Мир в эпоху устойчивого развития»**. 2015 г.

• Ан. А. ГРОМБИКО, член-корреспондент РАН, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. **«Организация Объединенных Наций: история и современность»**. 2015 г.

• М. ФАЙЕТТА, Генеральный консул Швейцарской Конфедерации в Санкт-Петербурге. **«“Мягкая сила” Швейцарии: равный диалог с мировыми державами и малыми нациями»**. 2016 г.

• В. А. ТИШКОВ, академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. **«Понимание и управление культурно-сложными обществами»**. 2016 г.

• В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям. **«Экология. Иммуитет. Здоровье»**. 2016 г.

• Г. М. РЕЗНИК, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП. **«Истина и справедливость в правосудии»**. 2016 г.

• Г. МЕТТАН, писатель, журналист, общественный деятель. **«Взгляд с Запада: русофобия от Карла Великого до последних Олимпийских игр в Рио»**. 2016 г.

• Г. В. ОСИПОВ, академик РАН, директор Института социально-политических исследований РАН. **«Социологическая наука в условиях становления цифровой цивилизации»**. 2016 г.

• Г. А. ГАДЖИЕВ, судья Конституционного Суда РФ, профессор. **«Юридическая картина мира»**. 2016 г.

• Н. Б. ПОЧИНОК, ректор Российского государственного социального университета, доктор экономических наук. **«Социальное предпринимательство: от экономики накопления к экономике позитивных преобразований»**. 2017 г.

• Дж. К. ГЭЛБРЕЙТ, профессор Техасского университета (США). **«Государство хищника и отравленная чаша: размышления о политике и экономике в Америке и Европе»**. 2017 г.

• С. Ю. ГЛАЗЬЕВ, советник Президента РФ, академик Российской академии наук. **«Актуальные проблемы развития российской экономики»**. 2017 г.

• А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, академик РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН. **«Взаимодействие правовых систем»**. 2018 г.

- П. П. ТОЛОЧКО, академик Российской академии наук и НАН Украины, почетный директор Института археологии Национальной академии наук Украины, Почетный доктор СПбГУП. **«Киев и Новгород: у истоков Древней Руси»**. 2018 г.
- В. А. ТИШКОВ, академик Российской академии наук, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, профессор. **«Российский народ: пространство и культура»**. 2018 г.
- У. де ШАВАНЬЯК, Генеральный консул Французской Республики в Санкт-Петербурге. **«Роль Франции в международном диалоге культур»**. 2018 г.
- Д. НУМГАУДИС, Генеральный консул Литовской Республики в Санкт-Петербурге. **«Роль Литвы в международном диалоге культур»**. 2018 г.
- А. Д. КОРОЛЬ, ректор Белорусского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор. **«Куда идет педагогическая наука (Возможна ли дидактика молчания?)»**. 2018 г.